Михаил Дорин

АВИАТОР 6
НАЗАД В СССР

Михаил Дорин

Авиатор: назад в СССР 6

«Автор»

2024

Дорин М.

Авиатор: назад в СССР 6 / М. Дорин — «Автор», 2024

Афганистан, 1981 год. «Панджшерский лев» Ахмад Шах Масуд не желает отдавать свои владения. Эскадрилья, в которой служит лейтенант Родин, продолжает выполнять свой интернациональный долг. Самые рисковые задачи, сложные и опасные ситуации, а также смертельные ловушки противника - всё это выпадает на долю отважных лётчиков.И каждый день кто-то может не вернуться...

© Дорин М., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 18
Глава 4 24
Глава 5 30
Глава 6 37
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Михаил Дорин
Авиатор: назад в СССР 6

Глава 1

Я раньше не замечал, что небо в Афганистане, словно расплавленное серебро. Палящее солнце, бьёт мне сейчас в глаза, благо спасает светофильтр.

Мгновенное замешательство, и вдруг всё вокруг ставится на паузу. Замедленная съёмка позволяет мне запомнить каждое положение стрелки на приборах. И никакой нервозности. Я уже знаю, что должен сделать. Да и мысли о цвете неба улетучились моментально, когда почувствовал, что мои ноги слетели с педалей.

Кнопка-лампа сигнализации опасных режимов СОРЦ не мигает, хотя пару секунд назад мне казалось, что в кабине у меня заморгало табло «Пожар». Ещё раз проверил, но кроме «Выработка 1го, 3го бака» ни одно табло не горит. Давление в гидросистеме должно падать, но стрелка стоит в прежнем положении. Дыма в кабине нет, на блистере отсутствуют блики от огня, и самолёт нормально управляется.

Отвожу взгляд в сторону и вижу, как слева от меня, самолёт Буянова переваливается с левой на правую консоль крыла и обратно. Белый шлейф топлива вырывается из правой консоли крыла. Обшивка в районе сопла раскурочена, а из двигателя летят искры.

В эфире продолжается галдёж, доклад на докладе, запрос на запросе. Вклиниться и доложить что-то на нашем втором канале боевого управления сейчас почти невозможно.

– 205й, наблюдаю искры из сопла, – говорю я Буянову.

– Почувствовал, – произнёс в эфир Гаврилович. – «Пожар» мигает, обороты туда-сюда ходят. Идём домой.

Похоже, что комэска пока выполнял вокруг меня «бочки» принял на себя удар ракеты. Получается, собой прикрыл меня Буянов. А ведь я почти ушёл от неё. Ещё пара секунд и сработал бы самоликвидатор ракеты. Хотя рано рассуждать в стиле «если бы кто-то был не бабушкой».

Со стороны кажется, что Гаврилович выровнял машину. Однако из сопла вырвалось пламя.

– 205й, горишь! – кричу я, перебивая все разговоры в эфире.

И вот этот возглас, наконец-то, доходит до нужных людей.

– 205й, 001му, у тебя пожар? – спрашивает пункт управления.

– 001й, подтверждаю. Давление в гидросистеме упало. Самолёт… не управляем, – кряхтел в эфир Буянов.

– 205й, на юго-запад уводи! ПСО туда прибудет, – вышел со своей командой 001й.

– Понял, 206й уходи! – дал мне команду комэска и я принял вправо от машины своего ведомого. – 205й, катапультируюсь! – произнёс Буянов, когда его самолёт стал медленно заваливаться на левую сторону.

Небольшая вспышка в районе кабины, и вот уже назад летит створка фонаря. Следом выстреливает кресло, отбрасывая пламя и уходя вверх, в сторону от самолёта. Представляю, как сейчас некомфортно Гавриловичу. Тебя крутит на этой бешеной табуретке, перегрузка в районе 20 единиц вдавила со страшной силой, что не вздохнуть.

Я встал в вираж над предполагаемым местом приземления. Как раз в этот момент и раскрылся купол парашюта, а вниз от самого Буянова вышел тонкий фал, на котором закреплён носимый аварийный запас НАЗ.

Самолёт уже догорал на одном из склонов, отбрасывая чёрный дым, а его обломки были разбросаны по всему ущелью. Вряд ли кто-то будет искать здесь средства объективного контроля потом.

– 001й, я 206й, наблюдаю купол, место приземления – 3 километра западнее Руха, – доложил я на воздушный пункт управления.

– Понял. 206й, уходи домой, вертушки сейчас подберут, – заверил меня руководитель операции.

Я глянул на топливомер. Запаса топлива достаточно. Не всё ещё спалил, уходя от ракеты. Если встать в круг на текущей высоте 4500, а потом на возврате занять повыше… Чего гадать-то?! Хватает керосина. Даже если бы не хватало, не признался бы.

– 001й, стою в вираже до команды.

Вызвал я своим докладом некое замешательство на борту штабного самолёта. Что там решают, совсем непонятно. Если происходит такое, что сбили самолёт, прикрывать лётчика является делом чести.

– 206й, контроль за топливом. Вертушки будут через 20 минут, – снова вышел на связь руководитель операции.

– 206й, ответь 201му, – вызвал меня Бажанян. – Мы не наблюдаем купола. Местоположение подскажи ещё раз.

А вот мне отсюда очень хорошо видно, как опускается мой командир, и я вместе с ним потихоньку занимаю высоту всё ниже и ниже. Снова назвав место предполагаемого приземления, Бажанян сказал, что они уже на подлёте к нам.

Пока я слышал в эфире только постоянные доклады об успешных ударах и оставшемся времени до высадки десанта. Решил переставить автоматический радиокомпас на аварийную частоту, чтобы потом контролировать местоположение Буянова. Когда он приземлится, то однозначно включит свою радиостанцию Р-855. Так, его и будут искать вертолётчики.

– 206й, 201му, – запросил меня Бажанян.

– Ответил, 201й.

– Высота и остаток. Идём к тебе группой из шести единиц.

– Занял истинную 1000. Остаток 1600, – ответил я, разворачивая самолёт навстречу своим однополчанам.

Бросил взгляд вверх, надо мной шла группа самолётов. И они были гораздо выше относительно моей высоты. Буянов продолжал ещё спускаться. Взглянув на часы, я понял, что время сейчас тянется очень медленно. Главное, чтобы не появился какой-нибудь отряд духов.

Гавриловичу бы ещё не повредиться при приземлении. Местность каменистая, ущелье узкое, пространства для манёвра мало. Небольшой ручей внизу, несущий свои воды к основной артерии этого района – реке Панджшер. Пикировать здесь проблематично.

– Наблюдаю тебя, 206й. Что на земле? – запросил Бажанян.

Сделав небольшую «горку» и переворот, я спикировал в ущелье, разогнавшись до 1000 км/ч. Как тут что заметишь! Скалы, склоны, отдельные деревья, духи…

– Стреляют! – прорычал я, отклоняя ручку управления самолётом вправо и на себя.

Твою мать! Еле успел я увернуться от очереди зенитки ЗГУ справа, которая начала работать по мне со стороны Рухи. Сам городок ничего особенного из себя не представлял, его никогда не касались наши бомбардировки, поскольку моджахедов там не водилось.

Выполнил боевой разворот и бросил взгляд в сторону, откуда по мне сработала установка. Это был небольшой анклав на горном плато, включавший в себя несколько дувалов. Сама установка работала по мне с одной из крыш.

Парашют Буянова исчез в тени ущелья, сложившись в тонкую полоску. В паре километров от него продолжал гореть разрушенный борт, дым от которого тянулся в сторону места приземления Гавриловича. И почему в эфире неслышно вертушек? Прошло уже почти десять минут.

Но теперь ситуация стала усложняться. От Руха тянулся шлейф пыли по дороге.

– 201й ответь 206му! Наблюдаю транспорт на южной окраине городка. Движется к точке приземления, – доложился я.

Предусмотрительно я включил цепи питания вооружением, ожидая, что сейчас мне нужно будет отработать по этим машинам.

– 201й, понял. Контролируй место приземления.

Бажанян дал команду Гнётову уничтожить неприятеля и потом уходить на аэродром. Я наблюдал, как со стороны ущелья самолёт Григория Максимовича заходил на трассу и отработал парой С-24 по небольшой колонне. Пара взрывов и вот МиГ-21 Гнётова уходит вверх, отстреливая ловушки. Будем считать, первую атаку отбили.

Я ещё пару раз пролетел по узкому горлу ущелья, контролируя подходы духов. И каждый раз приходилось уворачиваться от крупнокалиберных очередей. Чувствую себя приманкой.

– 201й, восточный склон, ближе к ручью. Работают перекрёстным огнём, – доложил я, обнаруживая очередную огневую точку.

– 206й, понял тебя.

И в это время один из моих товарищей начал работать по этой позиции, разнося её огнём из пушки. С земли периодически на связь выходил Буянов. Но с аккумулятором Р-855 постоянно на связи долго не пробудешь. Отрабатывал в этот момент Гаврилович как авианаводчик. Подсказывал параметры выхода на цель и откуда стреляют.

Отличная схема! Я вычисляю, Буянов наводит, остальные уничтожают. Так происходило достаточно долго. Уже, как дважды, истекли те самые 20 минут. В районе падения кружили только я и Бажанян. Остальные на последнем «ведре» керосина ушли домой.

– 001й, я 201й, вертушек не наблюдаю, – запросил воздушный пункт управления Бажанян.

К этому времени мой остаток топлива упорно приближался к аварийному. И уверенность в подходе вертолётов начинала снижаться.

– Воздух, я 205й, наблюдаю духов. Два километра от меня, – с земли вышел на связь Буянов.

– 201й, нет вертушек. Высадка идёт, – рявкнул в эфир кто-то из больших начальников. – Потерпите.

Мне казалось, что сейчас я не сдержусь и расскажу им про «потерпеть». Голос этого умного парня принадлежал явно не полковнику Павлову. К слову сказать, я вообще не слышал Виталия Егоровича сегодня в эфире.

– В очереди в сортир терпят, а мы не можем! – прозвучал в эфире голос Реброва.

Кто ещё может так ответить!

– 201й, я 301й, у меня несколько «карандашей» с собой. Могу отработать парой, – сказал Ребров. – Иду с курсом 230, на 2400, как приняли?

Скорее всего, комэска перемещается постоянно, поскольку духи уже начали пристреливаться по нему. С его боекомплектом продержится он недолго.

Сейчас бы Буянову выйти в эфир и дать целеуказания. Неуправляемыми снарядами С-8, что сейчас на борту у МиГ-23х из эскадрильи Реброва, хватит, чтобы разнести передний край наступающих духов. А их становится в ущелье всё больше и больше.

Ещё бы! За сбитого лётчика дают 1 млн афганей. А за живого или его голову дадут ещё столько же или больше. Вот и лезут моджахеды за наживой.

– 301й, цель вниз по ущелью. Ориентиры – отдельно стоящие три дувала и горящие две машины. Повнимательнее, на западном склоне работает «сварка», – передал информацию Буянов, но связь начала ухудшаться.

– Понял, снижаемся до истинной 400, дал команду Ребров.

– 301й, 206й работаю над ущельем. У меня 1000 истиной.

– 206й, понял. Под тобой пройдём. Наблюдаю тебя визуально.

А вот я пока не вижу где Вольфрамович со своим товарищем. Я стал делать виражи с большим креном, чтобы не пропустить момент пролёта пары истребителей.

Бросил взгляд вниз, а там, словно в жёлобе для бобслея, маневрируют два самолёта. Для пары маловато им места будет.

– Узко, – сказал один из них в эфир.

– Держи ровнее. Задержка три секунды. Начинай отставать, – сказал Ребров.

Пара на подлёте. Главное, чтоб Буянова не зацепили.

– Внимание… пуск! Вверх ухожу! – громко сказал в эфир Вольфрамович.

Наступающие духи потонули в разрывах снарядов и взрывах своего боекомплекта. Второй отработал аналогично и также ушёл «свечой» вверх, отстреливая АСОшки.

– Прямое, 301й, спасибо, – устало поблагодарил Буянов.

Через пару минут, наконец-то, вышли на связь вертикальные. Им до места эвакуации оставалось ещё минут 10. Да только это уже могло быть поздно. Связь с Буяновым прервалась, а вот наступательный порыв духов не иссякал. Жажда денег и крови лётчика пересиливала страх.

У меня к этому времени уже загорелось табло аварийного остатка. Бажанян в таком положении был уже несколько минут.

– Три машины, много духов. Идут по ущелью, – снова выполняю я проход над головами моджахедов, получая от них одиночные выстрелы в свою сторону. – Я пустой. Атаковать нечем.

– 206й и 201й, я 001й, возврат на аэродром! Это приказ! – плевался в эфире руководитель на борту Ан-26.

Послать его, что ли? Он с первой минуты практически меня отправляет домой. Теперь вот решил упомянуть и Бажаняна.

– 206й, заканчивай задание. Вертушки на подходе. Указание 001го, – вышел в эфир Араратович. – У меня 400 остаток. Я дождусь экипажи.

– 201й, повторяю, три машины, много духов, идут по ущелью.

– 206й, отход на Окаб, как принял меня? – настоятельным тоном произнёс Бажанян.

– 206й, под суд пойдёшь! – крикнул в эфир 001й.

Не слушал я сейчас команды «верхнего» начальства. Топлива у меня даже больше осталось, чем это мне нужно для посадки в Баграме. Это мне надо бы дожидаться вертолёты, а вот Бажанян пускай уходит. Ему может не хватить керосина.

Моджахеды двигались очень быстро. Видимо, не отстреливается Гаврилович. Может, нечем уже? Обычно всего боезапаса, как показывает практика, на 40 минут боя хватает. А тут как раз это время и прошло с момента его приземления.

– Внимание, 201й и 206й, отходите. Приказа не слышали? – ворвался в наши переговоры Гаврилович.

– 201й, понял. Набор 5000, заход с ходу, – произнёс в эфир Араратович.

Я краем глаза усмотрел над восточным склоном плавный разворот его самолёта в сторону аэродрома.

– 745й, идём группой из трёх вертикальных. Руха рассчитали через пять минут. Местоположение 205го подскажите.

Бажанян передал примерное место в ущелье, и запросил отход на Баграм.

Может, они и правы. Меньше десяти минут и Буянова заберут. Однако, очень быстро идут к нему духи. Пару минут бы выиграть для Гавриловича и тогда точно хватит времени на эвакуацию.

– 745й, надо быстрее. Духи очень близко. Можете не успеть, – сказал Араратович вертолётчикам, выписывая вираж у дальнего входа в ущелье.

Не пошёл в обратную сторону! Решил ещё покошмарить духов.

– Быстрее не выходит, мужики. Жмём на полную! – сказал в эфир 745й. – Не летит быстрее, зараза!

– Понял. 206й, у меня топлива на один заход. Делаешь то же самое и на «точку». Как принял? – вышел на меня Бажанян.

– 206й, понял.

Развернулся Араратович и спикировал в ущелье. Наблюдаю, как он пронёсся по каменному жёлобу, снося тюрбаны.

– 201й, вижу 205го на земле. Местоположение прежнее. Проход выполнил. Готов занять 5000 м курсом на Окаб, – запросил Бажанян, пройдя в стороне от меня.

– 201й, разрешил перейти на стартовый.

Повторил я манёвр Араратовича, и выскочил на восточной окраине ущелья. Сомнения у меня появились в эффективности такого морального воздействия на противника. Вряд ли они теперь будут пугаться пролёта очередного самолёта так же, как в первый раз.

Но, большего уже не сделаешь, Серый. Ну не пугать же тебе постоянно духов своим грозным видом. Или… мне же всё равно разрешили сделать один проход. А я выполню два. Только второй будет особенным.

– 001й, 206й, выполнил проход, прошу занять 3000 в сторону аэродрома, – запросил я, чтобы всё задуманное сделать по уму.

– 206й, разрешил вам. Остаток ваш? – небрежно спросил у меня руководитель операции.

– 001й, я 206й, 750. Рассчитываю заход с ходу.

– Рассчитывайте.

Конечно, рассчитал! На высоте 3000 приборная скорость 1300-1400 даст мне примерно 1.4 числа Маха, то есть я перейду на сверхзвук ещё и с запасом. Главное, не рухнуть мне рядом с Буяновым от отсутствия топлива в баках после такого манёвра.

Перевёл самолёт в набор высоты, и весьма быстро занял нужные мне 3000 метров. Думаю, что 30 километров мне хватит, чтобы ударить по духам «всеми» 1.4 Маха.

Вот я и в точке разворота на обратный курс. Перевёл рычаг управления двигателем сначала на «Максимал». Обороты двигателя 100% установились. Пора включать форсаж.

Рывок назад и скорость быстро поползла вверх, как и стрелка топливомера, начала чуть быстрее двигаться к нулю. Одновременно начинаю снижаться. Высоты в 150 метров должно быть достаточно, чтобы не войти в гору и не остаться в этой стране навсегда.

Краем глаза вижу, как за мной «тащится» конус ударной волны, в котором очень быстро растёт давление. Вверх поднимается пыль, камни, волна оглушает всех попрятавшихся в пещерах духов. Если бы были стёкла в их дувалах, то лопнули бы они моментально. Всё проносится вокруг, сливаясь в единую картину.

– 206й, вас Окаб дозваться не может. Ответьте 001му, – слышу я запрос от Ан-26.

– Что творит, – произнёс в эфир кто-то из вертолётчиков. Видимо, попался я им в поле зрения.

Самолёт на сверхзвуке, как это ни странно, становится тяжёлым. Сразу ощутил это, когда нужно было слегка подвернуть, пройдя дальше от каменистого склона. Ручка управления самолётом, в буквальном смысле, «резиновая». На такой предельно-малой высоте «зона воздействия» гораздо шире. Ты будто тянешь за собой гром!

– 206й, чего творишь? Приказ был уходить на аэродром! – снова появился в эфире Буянов.

Ущелье слегка поднимается. Ручка управления затяжелела. Не так уж и легко маневрировать по высоте. Вот впереди и духи. Близко подошли к месту нахождения нашего комэска. Осталось ещё несколько секунд и можно уходить с набором высоты.

– Вывод! – кричу я сам себе, выполняя набор высоты в развороте. Форсаж не отключаю, чтобы можно было мне заскочить на большую высоту.

По инерции выскочил из ущелья и занял курс на Баграм. Внизу наблюдаю, как вдоль всей моей траектории полёта над землёй, сплошное пылевое облако, а духи лежат в ущелье. Боятся

теперь голову поднять. После такого прохода не сразу в себя можно прийти. Сейчас они совсем потеряны, да ещё и оглохли слегка.

Вот теперь точно продержится Гаврилович! Смотрю за топливом и понимаю, что, возможно, мне придётся прыгать в районе аэродрома. Тем временем краем глаза увидел, как начинают внизу работать вертушки, расстреливая обескураженных духов.

Медленно набираю высоту, чтобы потом оттуда начать плавно снижаться к аэродрому. Чуть больше 300 килограмм в баках осталось.

Табло аварийного остатка и «Выработка 3й группы баков» горят в паре и весьма меня нервируют. Быстро набрал 7000 метров и теперь можно попробовать связаться с Баграмом.

– Окаб, я 206й, к вам с посадкой. Прошу заход с ходу, топлива мало, – запросил я.

Глава 2

На большой высоте снизил обороты двигателя до минимального режима, при котором возможно лететь без снижения. До аэродрома ещё 70 километров, а остаток у меня менее 300.

– Окаб, я 206й. Прошу заход с ходу, как приняли? – повторно запросил я руководителя полётами, но тот продолжал раскидывать самолёты, освобождая мне коридор для захода на посадку.

– Понял, 206й. Разрешил с ходу. Посадочный курс 30.

– А ветер у земли?

– Ветер попутно-боковой, порывистый до 15 м/с.

Сказать, что ситуация нервная, было бы явным преуменьшением. Вот слово «жопа» – самое лучшее название для данной ситуации.

Мне ещё нужно будет как-то развернуться, чтобы зайти не с попутным ветром. Эксплуатационные ограничения самолёта мне не позволяют выполнить посадку в таких условиях.

Не на войне, будь я даже в непосредственной близости от аэродрома, уже бы били тревогу и приводили в готовность аварийные средства. Причина банальная – если сразу сесть не получится, на повторный заход тебе уже не хватит.

– Окаб, я 206й. Буду садиться с посадочным 210 с попутным ветром, – принял я решение, поскольку выписывать манёвры с таким остатком топлива нецелесообразно.

– Понял вас, 206й. Разрешил, – смирительным тоном говорит руководитель полётами.

Он прекрасно знает, что в Баграме посадка с этим стартом, инструкцией не предусмотрена. А здесь ещё и ветер, и малый остаток. Вдобавок самолётов куча в воздухе, которые теперь должны подождать, пока я приземлюсь. Но я не специально, мужики. Из добрых побуждений сжигал керосин до последнего, чтобы прикрыть Буянова.

Ещё умудриться нужно будет, чтобы остановиться на полосе. Попутный ветер будет меня нести вперёд со страшной силой, а тормозной парашют не помощник в торможении. Он попросту может не наполниться.

– 206й, удаление от точки 30 километров. Ваша высота? – запросил у меня руководитель ближней зоны.

– Окаб, 7000. Приступил к снижению.

Начал снижаться, высотомер стал быстро отсчитывать изменение высоты. Притянул ремни подвесной системы. Это на случай, если придётся сильно тормозить, чтоб не «поцеловаться» с прицелом перед собой.

Снижаюсь быстро. Вот уже и предпосадочная прямая аэродрома, которую мы обычно не используем для посадки. Заходим ведь по крутой глиссаде через ближний привод.

Двигатель уже на режиме Малого газа, указатель скорости зафиксировал плавное торможение. До касания полосы нужно мне снизить скорость до 330 км/ч минимум. Лучше ещё меньше, поскольку меня в спину будет толкать ветерок.

– Удаление 12. Контроль шасси, механизация.

– Дополнительно. Прохожу 2000.

С выпуском посадочных устройств я не торопился, чтобы не потерять нужную мне инерцию. Я же ещё летел к аэродрому. Серая полоска ВПП продолжала приближаться. Ветер, как я почувствовал, начал становиться боковым. Пришлось педалями и ручкой управления удерживать самолёт, чтобы тот не свалился на одну из сторон.

Дальность 4 километра прошёл на высоте 800. Выпустил закрылки в посадочное положение и шасси. Ещё раз взглянул на скорость – 340. Оставалось загасить совсем немного.

Выровнял машину после ближнего привода. В полосу точного приземления и не собирался попадать, поскольку метил я ближе к торцу ВПП, чтобы было больше длины для торможения. Набегает бетон… и плюхаюсь точно за «зеброй».

Рано ещё пока радоваться! Нужно ещё не «уехать» в горы. По полосе бежал очень быстро. Скорость 300, которая позволяет выпустить парашют. Нажал кнопку выпуска, но рывка назад не последовало.

– Обрыв тормозного! – кричал мне в эфир руководитель полётами.

И снова задница! Зажал правой рукой рычаг торможения. Началась переработка энергии. Теперь её гасят тормозные колодки и пневматики колёс. Вижу, как дым начал подниматься, показывая, насколько интенсивно сгорает подо мной резина.

– Успеваю, – выдохнув, сказал в эфир. – Освобождаю по первой рулёжке.

– Вас понял, 206й. По готовности выключение.

Тут как бы на магистральной не выключиться! Перегорожу всем движение, а потом много ворчаний будет. Там и до записи в предатели недалеко. Хорошо, что хоть в наряды меня здесь не запрут.

До стоянки всё-таки доехал. Даже двигатель не выключился.

Уже после того, как открыл фонарь, я снял перчатки и глянул на свои руки. Ладони покрылись гусиной кожей, после таких потовыжимающих полётов. Жаркое солнце стало припекать мгновенно. Вот щас бы в баньку, да на топчан полежать.

– Что с Буяновым? – крикнул я Валере, который приветствовал меня взмахом руки. Он уже был в одном комбинезоне, а снаряжение тащил в руках.

– Всё нормально. Везут его. Пара царапин и оглох, говорят, слегка. Не переживай! – крикнул мне Гаврюк и пошёл в сторону высотного домика.

Уже хорошо, что всё хорошо. Теперь буду готовиться выслушивать за сверхзвуковой проход.

– Сергеич, как аппарат? – залез на стремянку Дубок, помогая мне снять с себя шлем.

– Во! – показал я ему класс, подняв большой палец вверх. – Правда, я бы пневматики поменял. Стёрлись уже.

– Когда ты только успеваешь! – похлопал меня по плечу мой техник, чуть не отбив его своей мощной ладонью. – Чуть не забыл, – сказал Дубок, протянув мне конфету.

– Добре, Елисеич!

– Тут девчонка приходила, Сергеич. Ждала тебя, я ей сказал, что ты скоро будешь. Переживала за тебя, – сказал Дубок, вынимая меня из кабины.

Первая мысль была, конечно, об Ольге. Хотелось бы мне думать, что её утреннее поведение было просто связано с подъёмом не с той ноги и накопившейся усталостью.

– Она в кабинет пошла? – спросил я, расстёгивая подвесную и расслабляя ремень кобуры.

Дубок слегка задумался, а потом расстроено покачал головой.

– Не про ту думаешь, Сергеич. Новая девчуля. У неё ещё пальцы розовым подкрашены, – ответил Дубок, намекая на маникюр Ани.

– Жаль. Я уж подумал…

– Оленька наша в госпитале. Там раненых много опять. Слух пошёл, что не совсем всё по плану пошло. Много потерь…

Не успел договорить Дубок, как рядом с самолётом, появился Бажанян. Мокрый, злой и с двумя сигаретами во рту.

– Родин-джан, почему на мою задницу сыплются шишки из-за тебя? – воскликнул он.

– Товарищ подполковник, не понимаю о чём вы.

– Ай, чтоб у тебя дети также отвечали, когда ты их ругать собираешься. Вот, мамой клянусь, был бы ты моим сыном, ремнём бы по твоей волосатой заднице отработал, – и ведь высу-

нул поясной ремень Араратович, чтоб продемонстрировать свои намерения. – Тебе же сказали уходить!

– Тигран Араратович, так я ж вам хочу сказать, что…

– Ты мне без вот этих отмазок – отказ у тебя был, связь пропала, в развороте ты был, налёт набирал, – продолжал махать передо мной ремнём Бажанян. – Там что, опять духи шли?

– Вообще-то, да, товарищ подполковник.

Тут у Бажаняна закончились аргументы. За такое ругать он точно не будет.

– Тогда кнерек! Аргели тебе от меня, – сказал Бажанян, в своих словах употребив «уважение» на армянском. – Пойду за тебя нагоняй получать. Вот ты молодец! И виноват, и красавчик оказался! Был бы женщиной, к себе бы пригласил на коньяк.

Если честно, немного непонятно. И похвалил, и вздёрнул, и пошёл дальше! Кто этих командиров разберёт.

Я рассказал Дубку, что нужно на самолёте более тщательнее проверить. В этом полёте мой МиГ-21 испытал много потрясений. Больше, чем за предыдущие годы эксплуатации.

Тем временем, покой нам только снился. К 15.00 мы сделали ещё по три, а кто-то и четыре вылета. Не успеваешь прийти в прохладный класс, как уже кто-то кричит по громкоговорящей связи с КП. Мол, такой-то и такой-то навылет. Быстро получаешь задачу от штурмана, выдают тебе фотопланшет, наносишь себе на карту цель и бегом на борт.

Ходили на задачу парами и звеном. В районе работы, как по мне, так полная неразбериха. Руководитель операции с борта Ан-26 говорит одно, а ПАНовец даёт целеуказания совершенно другие.

Естественно, веришь авианаводчику. Ему виднее с переднего края. Однако, это не освобождает нас от постоянного недовольства начальства. В эфир только слышно, какие мы чудаки на букву «М».

После крайнего вылета, погода начала портиться. Пыльная буря подошла к аэродрому.

– Похоже, можем расслаблять булки, Серый? – сказал Паша Мендель, догоняя меня на магистральной рулёжке по пути к зданию высотного снаряжения.

– Там ещё много кого надо пришибить, – сказал я и начал ему рассказывать, где ещё видел позиции моджахедов.

– Отработаем. Побереги силы. Кстати, ты слышал, что стартовый домик у нас теперь назвали «Сокол»? – улыбнулся Паша, указав на построенное из бомботары строение на другом конце стоянки.

– Потому что находится, как и аэродром «Сокол» на Сахалине, то есть он очень далеко? – посмеялся я.

– Неа. Завод в Горьком же авиационный.

– Ну, так-то да. Кстати, ты Вещевую не видел сегодня? – спросил я, заходя в здание.

Паша только рассмеялся в ответ. Как будто я ему анекдот рассказал, а не серьёзный вопрос задал.

– Не видел, Серый. А что случилось?

– Да… медосмотр-то надо пройти квартальный. Потом ещё от полётов отстранить может, если не пройду вовремя.

– Интересное у тебя название для свидания. Никто не догадается!

– Не обязательно кричать о наших отношениях с ней, – тихо сказал я, дёрнув Пашу за плечо. – Я, надеюсь, ты меня понял?

– Серый, ты думаешь про тебя и Вещевую никто не знает? Я сам Барсову бутылку «Советского» проиграл, когда ты вчера ночью ходил… в гости.

Да что за букмекерская контора здесь в Баграме такая? Хорошо, хоть на деньги ещё ставки не делают!

– И на что ставил? – поинтересовался я.

– Спорил, что у тебя не получится. Мол, приехала твоя бывшая, и теперь вы разбежитесь.

– Она не моя бывшая. Кто вам такое сказал?

Со спины наш спор был услышан Гнётовым, который шёл в полном снаряжении. Судя по всему, опять навылет.

– Чего разорались? – спросил Григорий Максимович, как обычно, сделав недовольное лицо.

– Личные вопросы обсуждаем, – сказал я.

– Твои Родин отношения с девушками? А чего их обсуждать, всё понятно. Любовный треугольник – парень, бывшая и нынешняя, а выбор за тобой.

– Да не бывшая она мне! – воскликнул я. – Откуда ноги растут у этой клеветы, чтобы я их оторвал?

А теперь и не найдёшь ведь их. Кто-нибудь один или одна ляпнули в столовой, больнице, в штабе или на застолье и понеслось. Жалко, всяких ток-шоу нет. Можно было бы отличный выпуск сделать о моих отношениях с Ольгой и Аней.

В классе, кроме нашей эскадрильи, ещё находились ребята с полка Реброва, бомбёры с Су-17 и пару бойцов, которые занимались расстановкой кроватей.

Динамик прослушки канала управления операцией вещал постоянно. Эта радиостанция позволяет сократить время реагирования на вызов с воздушного пункта управления.

Пока офицеры боевого управления и оперативный дежурный на КП переваривают полученную информацию и утрясают вопрос вылета с вышестоящим КП, мы уже в готовности, зная, кто, куда, на чём летит. Примерный район воздушный пункт управления передаёт сразу, поэтому это сокращает нам время для расчётов. Его много и не требуется, поскольку уже каждый камень и куст в Панджшере нами пристрелен.

– Похоже, что теперь на дежурство по вызову будем заступать гораздо большим количеством, нежели одним звеном, – сказал Барсов, намекая на установку кроватей.

– Зато не сидеть и задницу не отсиживать на деревянных стульях, – отметил плюс такого изменения интерьера Паша.

В кабинет за нами вошёл Вольфрамович с небольшой кипой бумаг и фотографий.

– Вот, ещё работы подкинули, – сказал Ребров, положив на первый стол карту. – Подошли сюда, пеликаны желторотые вы мои.

Новая задача прилетела МиГ-23им из его полка. Пехота и правда продвигалась достаточно быстро, а значит, и авиации нужно работать дальше.

– Похоже, что Масуд был не готов к такому. Скоро возьмут его или ликвидируют, – сказал один из лётчиков Реброва, который выходил из класса на свой вылет.

Сам Вольфрамович устало опустился на стул и вытянул ноги, положив их на небольшую табуретку. Ребров до сих пор был одет в подвесную систему и не спешил раздеваться.

– Гелий Вольфрамович, а что по погоде дают? – спросил я, присев за соседний стол.

– Скоро нас накроет, и полёты могут прикрыть. Не самое лучшее время выбрали для начала операции, – ответил Ребров, смахнув пот со лба. – Как сам Серёжа?

– Цел и невредим. Устал слегка только.

– Ты погоди. Ещё не вечер. Кстати, там какие-то хмыри прибыли, – сказал Ребров, расстёгивая подвесную и вылезая из неё. – Акт проверки привезли.

Ого, вовремя подоспели «бесконтактные бойцы» из штаба ТуркВО. Сейчас выложат все наши косяки за время проверки. Ещё и добавят эпитетов о том, какие в 236м полку служат «нехорошие» ребята.

– Это в характере Хрекова, – махнул рукой Гусько, наливая себе воды. – Думает, что так он себе зарабатывает славу ответственного и грамотного офицера.

– Значит, когда накопал кучу недостатков в авиационном полку, который приписан его округу, то это сделает его эффективным руководителем и позволит продвинуться по службе? – спросил я у Гусько. – Сомневаюсь, Евгений Савелич.

– Тут ты прав, Серый. Получается, он выставляет в плохом свете свой округ, а это уже негативно может сказаться на нём, как на «эффективном руководителе», – ответил наш замполит. – Пока не узнаем, что в акте, рассуждать смысла нет.

В динамике послышалась команда на вызов звена «весёлых» в район Анджуман.

– Далековато, – сказал я, доставая карту.

Пришлось её слегка разложить, поскольку этот населённый пункт был уже намного ближе к Пакистанской границе, а именно в северо-восточной части Афганистана. В том районе мы ещё не работали.

– Опять наша очередь. Я прав, Савелич? – расстроено спросил Барсов, который уже прилёг на скрипучую кровать.

– Готовимся, – хлопнул в ладоши Гусько и стал экипироваться. Своё снаряжение он не уносил в предназначенную для этого комнату.

Я, Паша и Марик отправились экипироваться. По пути просмотрели примерный маршрут, уяснили для себя, в какой район нам нужно выйти, чтобы начать работать.

Первый взгляд в окно говорил о том, что совсем не то время выбрали для вызова авиации. Сплошной стеной надвигалась пыльная буря. Лопасти вертолётов, которые стояли на стоянках, техники в авральном режиме принялись крепить стропами. Самолёты принялись зачехлять, устанавливая заглушки на воздухозаборники и сопла двигателей.

– Вот это по-нашему! – обрадовался Барсов и присел на скамью, чтобы начать снимать подвесную систему.

– Рано раздеваешься, – сказал я. – Есть у нас ещё время навылет.

– Вот-вот, Марик. Вылетим отсюда, а сядем в Кабуле. Стандартная практика, – согласился со мной Паша, проверяя подсумок и магазины для пистолета.

– Ну, вы будто авиационной мудрости не знаете? Погода нелётная – зачехляй самолёт, а врага ненавистного пусть пехота добьёт, – усмехнулся Марик.

Ребята с мотострелковых и десантных батальонов, которые сейчас скачут по горам, выгрызая каждый куст и камень, могли бы нашего белобрысого побить слегка.

– Неуместно, Марк, – резко сказал я. – Калитку прикрой, пока тебе её не закрыли ребята с передовой.

– Поддерживаю, – хлопнул по плечу Барсова Паша, и мы с ним вышли в коридор, взяв каждый свой шлем.

– Ну, я… так, к слову сказал, – поспешил исправиться Марик.

Пройдя мимо класса, мы услышали и вызов из динамика громкоговорящей связи. Через открытую дверь я заметил, как к столу побежал Савельевич.

– Внимание, майор Гусько, на КП! 206й, 207й и 208й – готовность номер один.

Похоже, наш вылет уже не отобьют, и Марик зря только надеялся на окончание рабочего дня.

– Выдвигаюсь! – сказал в тангенту Савелич, взял со стола планшет и пошёл на выход.

Пока идём к самолётам, проверяем частоты каналов управления, позывные авианаводчика и поисково-спасательного экипажа.

И уже через 10 минут мы заняли места в кабинах и готовы запускаться. Ветер усиливался, и пыль стала забиваться в каждую щель. Спасал только закрытый фонарь кабины.

Техники отогнали свои тележки, на которых они подвезли к самолёту бомбы ФАБ-500ШЛ, которые мы будем сейчас применять впервые за время нахождения в Афганистане. Не особо любят эти бомбы лётчики, поскольку приходится сбрасывать их только с гори-

зонтального полёта и с не самой большой высоты. Чем ниже, тем опаснее противодействие ПВО.

Запустились, выполнили в очередной раз проверки оборудования и начали руление. Тут-то и началось.

Посмотрев по сторонам, я не обнаружил рядом большинство самолётов на стоянке, а также скрылись от меня и вертолёты. Сплошная стена пыли, высотой в сотню метров, застилала весь обзор. Видимость была не более 500-600 метров. Первая пара Гусько и Барсов вырулила влево и через несколько секунд пропала из виду. А над головой всё же, виднелось голубое небо, пробивавшееся сквозь верхний край пылевой завесы.

– 204й, я 208й, а где полоса? – задал такой странный, но вполне логичный вопрос Марик.

– 207й, рули за мной на минимальной скорости. Сейчас появится, – ответил ему Гусько.

– Выруливаем, 206й, – дал мне команду Паша. – Не торопись, а то я не вижу впереди ничего.

Так мы медленно, иногда останавливаясь, но подрулили к полосе. Гусько дал команду взлетать по одному и от самого торца полосы, чтобы иметь больший запас для разбега.

– Окаб, 204й, на полосе видимость 600. Много пыли. К взлёту готов.

– 204й, группе взлёт разрешил.

Не видел я, как разгонялся Гусько. Даже форсаж в такой пылевой завесе не высмотрел.

Очередь дошла и для Менделя, который начал включать форсаж чуть ли не на самой рулёжке. Взлетать нужно быстрее, чтобы не растягиваться по всему Афганистану и не собираться потом где-то над горами.

Я вырулил на полосу, проконтролировал все параметры, обороты вывел на максимал и… включение форсажа.

Резкий толчок и вот я уже несусь по полосе готовясь, поднять нос. В эфире что-то невнятное говорит руководитель полётами, но его слова постоянно зажёвываются. Кто-то выходит с ним одновременно на связь.

– Запретил! Запретил! – прорывается крик руководителя.

– 823й, занял исполнительный, контрольное висение, взлёт, – звучит в эфире медленный и лаконичный голос.

Моментально оцениваю ситуацию, что самолёт уже не остановлю. Скорость на приборе уже 300.

И впереди, словно Летучий Голландец, силуэт Ми-8 строго на осевой линии. До него метров 500.

– 206й, катапультируйся! 823й, покинуть вертолёт!

Глава 3

Первая мысль была педалями изменить направление, уйти с полосы и прыгнуть. А вокруг ничего не видно, и в 500 метрах от полосы минные поля.

Значит, остаётся только перелететь стоящий на полосе вертолёт. Педалями держу самолёт по прямой, чтобы не потерять драгоценных единиц ускорения из-за изменения траектории разбега. К горлу подкатывает ком и, кажется, начинаю что-то орать не своим голосом.

Начинаю тянуть на себя ручку и резко отрываюсь от полосы. Вот они мгновения, которые кажутся бесконечностью. Приёмник воздушного давления, вынесенный впереди фюзеляжа, устремляется в небо, словно протыкая пылевую завесу.

Краем глаза вижу, что прошёл в метре от несущего винта этого… чудака. Но это не всё.

Тут же слегка отдаю ручку от себя, чтобы не произошло сваливание. Касаюсь основными стойками полосы. Перескочил! Давно так не нервничал, а ещё взлететь надо.

– Какого хрена вертолёт делает на полосе? Куда он вылез и когда вообще успел?! – выругался я, находясь ещё в состоянии некоего аффекта.

Пара секунд и, наконец, я, в воздухе! Быстро выскакиваю из пылевой бури, и обнаруживаю, что выше 500 метров видимость во все стороны более 10 километров.

– Я того родственник, кто это всё придумал! – продолжаю я посыпать всеми известными мне ругательствами коллегу на винтокрылой машине.

Слева начал пристраиваться ко мне Паша, показывая что-то рукой. Видимость хоть и отличная, но его сигналы так просто не разобрать. У меня ещё ком в горле стоит, а я должен понять язык жестов Менделя.

Проходит пара секунд, прежде чем я обнаруживаю, что зажал кнопку самолётного переговорного устройства для выхода в эфир. Отжав её, в уши начал литься поток запросов от каждого из экипажей моей ударной группы. Дождавшись паузы, я решил выйти в эфир снова.

– Окаб, 206й, эм… взлёт произвёл, борт порядок, отход по заданию.

Ещё одна пауза, и вот уже слышу ошарашенный голос руководителя полётами.

– 206й, мы всё поняли, – растягивая слова, ответил он мне, а на заднем плане слышны отдельные смешки.

– Окаб, я 206й, точно всё поняли? – спросил я.

Вспоминаю, что в выражениях и характеристиках группы руководства и экипажа Ми-8, я не стеснялся. Возможно, что-то высказал и командованию за такие задачи в условиях пыльной бури.

– 206й, там всё было очень доходчиво сказано, – ответил руководитель полётами. – Группе связь по направлению. Хорошей работы.

– Окаб, 204й понял, спасибо.

Через пару минут мы уже шли южнее долины реки Хазара, вдоль хребтов Панджшера. Получив команду с воздушного пункта управления на борту Ан-26 встать в зону ожидания, Гусько дал нам команду занять высоты с 7500 и вниз через 300 метров, а сам снизился до 6000, чтобы иметь возможность услышать авианаводчика.

Просматривая карту, я понял, что мы сейчас будем работать по какой-то очень скрытной цели. В этом районе Афганистана ещё нет наших войск, а значит, будем бомбить резервы противника.

– 204й, ответь Торосу, – запросил нас старый знакомый.

Живой, чертяга! Давно не пересекались с ним.

– 204й ответил, Торос.

– 204й, цель в квадрате 32-14, по улитке 4. Площадная цель. Рассчитывайте работать с пикирования. Наши на западном склоне, бой не ведут.

Возникшая пауза для переваривания всего сказанного обусловлена тем, что нельзя работать нашими боеприпасами с пикирования. Эффект будет не такой, как это привыкли видеть от бомб такого калибра.

– Торос, я 204й, мы со штурмовыми «огурцами», – сказал Гусько ПАНу о нашей боевой зарядке.

– Твою мать! – судя по всему, в расстройстве теперь Торос. – Такую цель про…

– 204й, 206му, – ворвался я в эфир.

– Ответил, 206й.

– Сыграем на жадности духов. Сбегутся на парашют.

И вновь пауза на размышление от нашего старшего. Надеюсь, Савельевич поймёт мою идею с применением данных бомб. Логика моя проста.

Моджахеду много заплатят за сбитого лётчика, но если взять его живым и привести к Масуду, Хекматияру или другим полевым командирам, можно получить ещё больше. А если старший отряда не захочет денег, то пилот превращается в самый желаемый объект для показательной казни.

– Торос, я 204й с горизонта будем работать. Интервал минимальный, высота сброса 1200, как принял? – запросил авианаводчика Гусько.

Похоже, моё предложение было принято. Главное, чтобы повелись.

Я бросил взгляд вправо и увидел то, чего ещё не должно быть в этом времени. Большой силуэт, чёрный цвет и неподвижные крылья.

Первая мысль – беспилотник. Тупая версия, поскольку нет ещё пока их в 80х. Развернул самолёт в сторону этого объекта. Приглядевшись, я обнаружил здоровенного орла, вальяжно махающего крыльями. Тоже ищет свою жертву в горах, как и мы.

– Вас понял, 204й. Курс захода 317, ветер встречный. Цель в центре ущелья.

– Понял. Внимание, я иду первый, далее в порядке очереди. Интервал сброса 6-7 секунд, – сказал Гусько, и я начал потихоньку снижаться, чтобы соблюсти установленный интервал.

Под собой обнаружил, что есть в этих местах и пятикилометровые вершины. Есть опасность, что чуть ниже может стоять дух с ПЗРК и целиться в нас. Ждёт, когда вся группа пролетит, чтобы сбить замыкающего. После стольких пусков по мне в Афганистане, начинаешь за каждой грудой камней искать опасность. Любое нарушение привычного пейзажа говорит тебе, что кто-то в тебя уже выстрелил или пустил ракету.

Но пока всё спокойно. И сейчас мы духам и дадим сбитых лётчиков, которых они так жаждут. Ещё и отправим наши штурмовые бомбы на парашютах прямо в центр их лагеря.

– Внимание… паашли! – скомандовал Гусько, и я на счёт «раз», отправился пикировать мимо горной вершины, вставая за Савеличем в строй.

Заняли мы нужную нам высоту 1200 идеально быстро, а главное – теперь нас прикрывает горным хребет со стороны базы духов. Тут можно со «сварки» или с зенитной установки выхватить смертельную крупнокалиберную очередь.

– Скорость 1000… обороты Максимал… по команде переваливаемся через хребет и идём в горизонте, – тяжело говорил Гусько, который был, видимо, напряжён не меньше нашего.

Я вообще ничего не мог бы сейчас ответить. Нервы щекотало. Нас сейчас можно попробовать сбить с чего угодно. Наше единственное спасение – скорость полёта. Вот только вдруг у противника уже есть те самые треклятые «Стингеры»?

– Внимание! На себя с углом 20°, влево крен 60… паашли! – произнёс в эфир Гусько, и его самолёт устремился вверх, перевалившись в развороте через горы.

Не стал я мелочиться и взял чуть больше угол набора и разворота, чтобы не потерять из виду Савельевича.

Лечу буквально за ним по пятам или, как говорится, «сосу крыло». Снизились до 1000 метров, поскольку небольшая перистая облачность образовалась на 1200 метрах.

– Вышли на боевой, Торос, – доложил Гусько.

– 206й, догоняю, обороты 98, – сказал я, чтобы за мной тоже немного притормозили.

– 204й, я Торос. Наблюдаю группу. Впереди перевал небольшой, надо перескочить.

Я бросил взгляд вперёд и обнаружил в пяти-семи километрах перемычку между хребтами, аккурат на нашей высоте.

– Войдём в облака, – засомневался Барсов, который шёл позади меня.

– На счёт «раз-два» ручку на себя, «три-четыре» опускаем, – дал рекомендацию Гусько. – Иии, раз!

Самолёт замполита вошёл в облако и тут же вынырнул за перевалом. Повторив его манёвр, я снова оказался за хвостом ведущего группы.

– 208й, на месте, – доложился Паша, который шёл замыкающим.

Через несколько секунд показались очертания базы. Сказать хотелось только одно – ёптить!

Даже на такой скорости я разглядел кучу палаток, полос препятствий, автомобильной техники и тьму народа. Вот так банда тут собралась!

– Цель наблюдаю. Готовность к сбросу, – указал нам по связи Савельевич.

Целиться тут нет смысла. Ведущий отработает, а мы повторим за ним, выдерживая только интервал.

ФАБ-500ШЛ летит на парашюте и с земли будет похожа на спускающегося лётчика. После сброса и раскрытия парашюта, происходит выпуск лидера – упредительного устройства, которое висит в 3х метрах от бомбы и при касании этой штуки с землёй будет взрыв.

– Торос, 204й к работе готов, – запросил разрешения на сброс у авианаводчика Гусько.

– 204й, я Торос, разрешил работу, после выход влево.

– До точки сброса 5 секунд. Внимание… сброс! Ухожу влево! – громко сказал в эфир Савелич, и отправил в полёт двух «чугунных» парашютистов.

Начинаю считать до пяти, уже готов нажать кнопку сброса, а сам смотрю на цель, и как на это реагируют духи.

– 206й, сброс! Ухожу влево, оружие выключил! – доложил я и, включив форсаж, ушёл за хребет, взбираясь всё выше и выше в небо.

Бомбы сбросили все. Теперь осталось дождаться результатов.

– Торос, от группы спасибо за работу, береги себя, – попрощался с ПАНом Гусько, но тот сразу не ответил. – Торос, 204му.

– 204й, я Торос, отработали хорошо! Духи повелись! Мягкой посадки, мужики!

Хорошо ощущать себя, выполнившим поставленную задачу в срок и с нужным результатом.

Штатная посадка, заруливание, и снова вопросы о состоянии Буянова. На стоянке информации мало. Всё же, техникам надо работать.

Дубок, когда мы с ним зачехляли самолёт, сказал, что Гавриловичу выделили новую кровать и обязали спать на ней.

– Девушка приходила, Оленька. Врач наш. Вот и рассказала про комэска. Тоже в Союз пошлют его. Комиссии эти ваши проходить. Пока летать не будет, – продолжил он, вставляя заглушку в воздухозаборник. – Сергеич, иди, отдыхай. За сегодня ты в воздухе дольше был, чем на земле.

Только при этих его словах, я ощутил, как мне хочется сейчас оказаться на своей скрипучей кровати в модуле. А лучше зайти в душ и ополоснуться. Да и форму бы надо постирать. Комбинезон уже начал покрываться солевыми следами.

В классе народу было много. Дежурные экипажи, естественно, отсутствовали. Как и вертикальные братья, которые продолжали работать в районе действий пехоты.

А вот ещё двум дежурным звеньям было очень некомфортно. Им место отдыха было определено в классе для подготовки. Для этого и кровати сегодня сюда поставили и чайно-бытовой уголок организовали.

Замполиты принесли подшивки газет, а самые рукастые из дежурных лётчиков пытались настроить старенький телевизор «Рекорд», который показывал пока только серую паутину.

– Серёга, как догадался, что духи поведутся на такой развод? – спрашивал у меня Гусько, расхваливая меня перед остальными.

– Предположил просто. Да и они же обычные люди. За наши лётные головы дают много афганей, а люди всегда любили, и будут любить деньги, – ответил я, присаживаясь рядом с лётчиками нашего полка.

– Гадалка! – махнул рукой в мою сторону Барсов, но эта его реплика потонула в словах остальных присутствующих.

Ребров не мог пройти мимо и вставил свои пять копеек.

– Родин, генератор ты переменно-постоянный, опять творческий подход применяешь в полётах? – улыбнулся Вольфрамович, когда ему рассказали о моём сегодняшнем проходе на сверхзвуке. – Вот, надо было тебя драть ещё сильнее в училище. Глядишь, как Вася Сталин к 26 годам и армией округа будешь командовать.

– Рано мне ещё командовать, Гелий Вольфрамович, – поправил я Реброва.

– Будешь. Максимыч, дадите пацану звеном командовать через год, как старлея получит? – спросил он у Гнётова.

– Как вести себя будет. Но развивается в верном направлении, – ответил ему Григорий Максимович, который дремал на кровати.

О моих сегодняшних подвигах поговорили ещё пару минут. Катапультирование Гавриловича обсуждали сегодня весь день, так что я оказался свежей темой для разговора. Плюс, Гусько находился в приятном шоке от такой идеи.

А вот Марик продолжал выглядеть как синьор Помидор из «Чиполлино» – злой, передёргивается от каждого смешка и так и норовит отобрать у меня какую-то «конуру». Точнее, жаждет переместить на себя внимание, а то стали все забывать парня после его героического, но, отчасти, случайного попадания в здание, где прятались члены отряда «Чёрный аист».

Через пару минут вошёл генерал Модяев. Усталой походкой, снимая с головы кепку с красной звездой, Иван Фёдорович подошёл к карте и начал пристально на ней что-то рассматривать.

– Первый день мы закончили, сынки, – сказал генерал, положив головной убор на стол. – Есть, у кого что сказать?

Руку поднял Томин, который пришёл вместе с генералом, и подскочил со своего места.

– Работаем сидя. Сегодня скачков, взмываний, пикирований и других манёвров хватало, – усадил Гавриловича на место Модяев.

– Товарищ генерал-полковник, в чём была задержка с первым вылетом? Сами понимаете, что потом…

– Понимаю, полковник. Но ты на войне, а не на полигоне. Всё просчитать нельзя, – хриплым голосом сказал Иван Фёдорович. – Причина банальна настолько, что я её даже озвучивать не буду. Все, кто был виноват в случившемся, уже получили от маршала Соколова направление и приказ о переводе в более привлекательные места для службы.

Вот это раз! Значит, где-то косяк был со стороны полка в Ханабаде. Кто же там мог так накосячить, что целый полк новых Су-24х так и не пошёл на задачу.

– Чего молчите, как сычи? – резко сказал Модяев хриплым голосом. Накричался сегодня на штабных ребят, Иван Фёдорович. – Да, развелось много бездарей в ваших округах. Сидят

и объясняют мне, что без митинга и плакатов не может полететь полк на боевой вылет. А без проверки обмундирования, лётчику никак нельзя. Или как же так – лётчик не прослушал лекцию и теперь на передовой у нас необразованный офицер. Что за бред?! Ох, Павел Степанович был сегодня зол на этих идиотов.

Под этим именем и отчеством скрывался, как я понял, главный маршал авиации Кутахов. Видимо, на прямой связи с начальством в Москве, наш командующий.

– Ладно, чтоб вас сильно не задерживать, быстро разберём недостатки и пойдём отдыхать, – сказал Модяев и взял указку со стола.

Вкратце, всех усилий авиации было недостаточно. Масуд понёс большие потери, но скрытые резервы духов в ущелье оказались гораздо более обширными.

– Крупнокалиберные пулемёты и грамотно расставленные расчёты ПЗРК не давали нам развернуться, – указывал Иван Фёдорович на выявленные скопления духов на карте. – Как мне докладывал руководитель операции, многие из вас самоуправствовали, меняя схемы захода «на коленке». Совсем оборзели, сынки?

Камень в наш огород. Но ведь порой с борта Ан-26 давали уж слишком трафаретные команды. Как будто сценарий зачитывали к детскому утреннику.

– Иван Фёдорович, действовали по обстановке, – взял слово Гаврюк. – Противник грамотно расположился на склонах, а это значит, что атаковать нужно было ему в лоб. Опасность пулемётов и всего остального, чем можно нас сбить, при данном манёвре минимальная.

– Согласен, – кивнул Модяев, наливая себе стакан воды. – Но строй ломать не надо, а то некоторые чуть друг друга не посшибали в этих ущельях. И где ваши атаки со стороны солнца?

Стоящее замечание. Про это сегодня вообще никто не вспоминал, хотя важный момент. Генерал выпил воды и продолжил разбор.

– Про обозначение целей. В каждой группе предусмотреть наличие у старшего группы реактивных снарядов С-24. В ночных условиях пока не рассматриваем.

Такая установка тоже верная. Ведущий группы заходит, обозначает и потом вся группа высыпает бомбы в это же место с необходимым интервалом. Надёжнее работать так, а не только полагаться на авианаводчика.

– Теперь момент с катапультированием. Если вам сказали на аэродром, значит, развернулись и назад! – повысил голос Модяев и зашёлся в долгом кашле. – Вертушки уже в районе, а пара героев продолжает крутиться над горами. Ещё и пугает этих… да как их зовут?!

– Моджахеды! – хором подсказали собравшиеся.

– Вот-вот, они самые, – кивнул генерал и пошёл за стол. – Я знаю, что вы чувствуете, когда сбивают своего товарища или командира. Уж поверьте, за годы войны не раз и не два прикрывал сбитых лётчиков. Но есть общий план, замысел и последовательность действий. Возможно, этих самых минут и не хватит, чтобы десант смог с успехом высадиться.

Странно, на какие же данные опирается Модяев? Вертолётчики явно бы врать не стали, в какое время подошли в район. Да и зачем вообще выносить этот момент в замечание, если не повлияли эти несколько минут на дальнейший ход событий? Кажется, тот самый руководитель операции на борту Ан-26 решил найти виновных среди невиноватых.

– Товарищ генерал, – поднял руку Бажанян и Модяев дал ему слово. – Я находился в том районе с лейтенантом Родиным…

– Это 206й? – переспросил Иван Фёдорович. – У него сегодня очень непростой был день. Сколько раз могли сбить сегодня, сынок?

– Противник или свои? – переспросил я.

Генералу шутка понравилась. Хмурое выражение лица сменилось на сдержанную улыбку. Он даже подошёл ко мне и взъерошил волосы.

– Это говорит о том, что держать ухо надо в остро! На 360° крутить головой, ясно сынки?

– Так точно! – в очередной раз ответили все хором.

– Продолжай, подполковник.

Бажанян рассказал о ходе прикрытия Буянова. Как вели себя духи, что видел он сам и какие позиции были поражены.

Ну и главное, кто дал команду, что катапультироваться надо именно в том направлении, а не на север в сторону Саланга? Там, как раз и не было духов.

– Много слов, подполковник. Сейчас придёт новый руководитель операции, который сегодня работал на Ан-26 и переговорим на этот счёт, – сказал Модяев, присаживаясь за стол. – Разрешаю всем тужурки снять, жара невозможная, – покряхтел Иван Фёдорович, снимая с себя куртку и оставшись в одной тельняшке.

– А почему не полковник Павлов сегодня руководил операцией, как и было запланировано? – теперь свой вопрос задал Ребров.

– Вот эти вопросы, сынок, обсуждаться не будут. Без вас решим кого, и куда нам ставить.

В дверь постучались, и на пороге появился тот самый боевой кабанчик Хреков. Довольный, но уставший.

– Разрешите, войти? – спросил генерал.

– Да, сынок, входи, – сказал Модяев и достал пачку сигарет. – Знакомьтесь, сынки, ваш новый руководитель операции.

Етить колотить! Нашли, кого поставить! Полный звездец нам пришёл.

Глава 4

Приплыли! Только что генерал говорил о бездарях в командовании округа, которые за бумажками совершенно забыли о нормальной службе. И вот, перед нами стоит самый яркий представитель этого сословия.

Удивляет, что не кажется Ивану Фёдоровичу странным, что вторая операция под руководством товарища Хрекова и снова сбитый самолёт, а также трудности с поисково-спасательным обеспечением.

Вид у генерал-майора был весьма довольный. Он так и выпячивал грудь, когда его представлял Модяев и рассказывал, как этот представитель командования ТуркВО хорошо провёл предыдущую операцию, которую сам же и спланировал.

– Между прочим, тогда был уничтожен известный полевой командир, – с гордостью заявил Хреков.

Ну-ну, а наш командир полка чуть кони не двинул из-за прокола с обеспечением его эвакуации. Ещё и несколько человек серьёзные ранения получили.

Если бы там реально был убит один из важнейших руководителей духовских отрядов, то об этом давно уже трубили местные СМИ в лице агентства Бахтар, а замполиты выпускали бы «специальные выпуски» боевых листков.

– Ерунду какую-то несут, – шипел Ребров, сидящий передо мной.

– Мы можем многого и не знать, Гелий Вольфрамович, – шепнул я.

Томин услышал наши переговоры и жестом показал соблюдать тишину.

– Итак, задач ещё много. Завтрашние цели разберёте с руководителем операции. Всем отдохнуть, – подвёл черту под этим разбором Модяев и вышел из кабинета.

Возникла небольшая пауза, во время которой Хреков внимательно осматривал нас своими кабаньими глазками. Интересно теперь посмотреть, как он будет общаться с большим количеством личного состава, которое его, мягко говоря, «не любит».

Начал своё общение гордый вепрь с претензий по форме одежды. Ну, нет же у нас проблем, чтобы им уделить большее внимание. Половина ограниченного контингента гоняется за Шах Масудом, но беда оказывается в другом.

– У вас, товарищ военный, форма не стирана. Что за белые пятна на воротнике? – сделал замечание Барсову Хреков, картинно поглаживая воротник своей яркой песочной формы. – Больше меня потеете?

– Риторический вопрос, товарищ генерал, – тут же ответил за Барсова Томин.

Похоже, на заказ себе шьёт шмотки Хреков. Его форма отличалась от обмундирования других старших и высших офицеров, которые находились в Афганистане. Любит себя, но опрятность не самое плохое качество. А у Хрекова их хватает!

– Валерий Алексеевич, вы ещё здесь? Как же ваше ВЛК? Почему ещё не убыли? – зацокал Хреков.

Ну что за человек?! Томин катапультировался, возможно, подорвал в некой степени своё здоровье, а он ещё и пытается иронизировать на эту тему. Похоже, что совесть где-то разминулась с Хрековым.

– Погоды нет, да и направление ещё не пришло, – ответил Томин.

– Скоро придёт. Я помогу вам с этим.

Мендель и Гаврюк придвинулись ко мне чуть ближе, чтобы «обшептать» это дело.

– Быстрее от командира избавиться хочет, чтобы тот не начал начальству правду рассказывать об операции, – шепнул мне Паша.

– Боится, что Томин настучит на него? – спросил я.

– Определённо, – сказал Валера. – Слышал, что Хреков в Москву метит. Вот и пытается сейчас себя боевым генералом показать.

– И проколов ему не надо, – предположил я. – А лучше пару успешных задач выполнить.

Хреков, наконец-то, перешёл к обсуждению ошибок и замечаний, выявленных в ходе операции.

Как будто мы их не знаем. Основные уже с Модяевым обсудили. Осталось только «самые важные» охватить, пока Хреков ничего не забыл.

– Почему у вас в воздухе ведётся неустановленный радиообмен? Вам зачитать фразеологию из документа? – продолжил искать недостатки генерал. – Почему взлетали по одному в крайнем вылете, а не парами?

– Погода, товарищ генерал, – ответил со своего места Гусько.

– Вставать надо, товарищ майор! – вскрикнул Хреков.

– Генерал-полковник Модяев дал указание…

– Здесь сейчас старший я, а не генерал Модяев! Кто этого ещё не понял? – при этих словах Гусько медленно встал и вышел в проход между столами. – Придёт Иван Фёдорович и будет командовать.

Если честно, всё желание служить пропадает после вот таких руководителей. Что и как он должен был напеть в уши начальству, чтобы отодвинуть от командования операцией Павлова? А ведь Виталий Егорович в одном из разговоров сказал, что попробует не допустить к «командному рупору» Хрекова. Не осилил.

– Почему взлетали по одному в крайнем вылете? – повторил свой вопрос Хреков.

– Видимость на полосе была меньше километра. В районе аэродрома была пыльная буря. Как командир группы, я принял решение… – начал разъяснять генералу наш замполит, но Хреков снова решил показать, кто тут босс.

– Вам была поставлена задача в боевом распоряжении, отданным с воздушного пункта управления – взлёт осуществить парами и выйти в назначенный район ни раньше, ни позже, – начал выговаривать генерал. – В итоге, растянулись как на параде, вышли в район не вовремя. Но этого вам было мало. Вы ещё начали какие-то свои идеи выдвигать в эфир.

О, началось! Так, мы ещё и приказ очередной нарушили! Его генеральское высочество Хреков наметил какой-то там удар по тыловой базе. Надо сразу сказать, сама идея была верной и тут генерал – молодец. Разбомбили резервы моджахедов – это плюс. Но обвинять нас в том, что мы неправильно что-то сделали в районе цели, обладая специфическими средствами поражения, очень странно.

– Зачем эти «Чапаевские атаки» с 1000 метров? Вы с большой высоты бомбить не можете? – продолжил ворчать Хреков. – Все атаки на цель должны выполняться без входа в зону ПВО. А вас там могли в решето превратить как ПЗРК, так и крупнокалиберные пулемёты.

– Принято, товарищ генерал. Тогда в следующий раз, в боевом распоряжении предлагаю устанавливать правильную боевую зарядку, – предложил Томин. – В указанном вами вылете были использованы бомбы с маркой ШЛ.

– И что? В чём разница? Это же бомбы?

По выражению лица Валерия Алексеевича было видно, что дальнейший спор он продолжать не намерен. Это бесполезно. Товарищ генерал, видимо, совсем неавиационный человек, которому доверили осуществлять общее руководство. Номенклатуру вооружения самолётов он не знает. Хорошо, что хоть не заставляет ещё мыть после каждого вылета борта.

Хреков после ещё нескольких минут своих претензий стал уже делать замечания тем, кто клонился в сон от усталости. Я глянул на часы и понял, что спать-то осталось совсем немного. За окном уже стемнело, а в 3.30 по местному времени надо было уже вставать. Первые вылеты, судя по плану полётов на завтра, назначены на 5.00.

– Мне нужен список личного состава каждого из полков, прибывших сюда, – сказал Хреков, присаживаясь на место Модяева.

– Разрешите уточнить форму списка? – спросил у генерала Томин.

– Вы за свой полк можете не подавать. Меня интересуют гости из других округов. Например, список от вас, товарищ Ребров, – указал он на Вольфрамовича, который уже скривился от одного только упоминания бумажной работы.

– Вам это зачем? – продолжил спрашивать Томин.

– Это вас не касается. Буду смотреть за каждым.

Мы как будто сейчас начинаем телеигру, где надо баллы зарабатывать за выигранные конкурсы. Списки, рейтинги, а потом награды и призы – что за бред?!

– На сегодня рабочий день считаю оконченным. Все свободны, – сказал Хреков и направился к выходу.

– Разрешите вопрос, товарищ генерал? – остановил его Ребров. – Иван Фёдорович дал указание изучить цели на завтрашний день. Нам бы данные нужны по ним, фотопланшеты, расчёт сил…

– Вот и займитесь этим, товарищ подполковник. А цели командование определит завтра и доведёт до вас в указанное время. Или вас что-то не устраивает? – надменно спросил Хреков.

На лице Вольфрамовича читалось, что не устраивает его только одна вещь – нахождение в кабинете Хрекова. Через несколько секунд генерал покинул помещение.

– Всем в УРАЛ и на отдых, – скомандовал Томин. Все собравшиеся встали со своих мест.

– Опять в самый рассадник духов и без должной подготовки лететь? – начал жаловаться Барсов.

Я решил сказать Марику, что ныть – последнее дело в этом случае.

– Лететь, как обычно, и как учили. Задача ставится и её нужно выполнять, – сказал я.

– Ой, ну ты же герой! Вот и лети сам! Не хочешь жить, так остальных не подговаривай. Я ещё жить хочу! – громко заявил Марик и сразу был услышан Томиным.

Завидев это, я подошёл ближе к Барсову и попробовал его заткнуть.

– Ты идиот? Чего себя трусом выставляешь? Сейчас кто-нибудь с другого полка стуканёт и пойдёшь беседовать к известным ребятам, – шёпотом сказал я.

В этот момент к нам подошёл Гусько, схватив обоих за шею.

– Я не посмотрю, что вы офицеры, и отправлю на примирительные работы.

На выходе из «высотки» столпился весь народ в ожидании нашего автомобиля, который обычно отвозил нас после полётов на отдых.

Оказалось, что нам подсунули ещё одну «свинью». Товарищ Хреков взял наш автомобиль и поехал в штаб 109й дивизии. Там у крупных начальников располагались места для отдыха.

В стороне стояли старшие групп от других полков, Томин и Гусько. Главной темой их разговора был именно Хреков.

– Мда, другого от этого типа я и не ожидал, – сказал Вольфрамович, закуривая сигарету. – Что скажешь, Алексеевич?

– Всё равно нам с ним работать. Задачи выполнять нужно. Надеюсь, ты не думаешь саботировать? – грозно сказал Томин.

– И не подумаю! – воскликнул Ребров. – Там пехота погибает каждый день, а мы тут будем разборки чинить с этим вашим Хрякуновым.

– Хреков, Вольфрамыч, – поправил его Гусько.

– Да всё равно. Ему Хрякунов больше подходит.

Напротив нас остановилась небольшая колонна из четырёх бортовых ГАЗ-66 со снятыми тентами.

– Товарищ командир, можем подбросить? – медленно вылез из кабины наш заместитель по инженерно-авиационной службе.

Даже сейчас он был в тапочках на босу ногу и без куртки от технического комбинезона. Своим пузом он явно превосходил Хрекова.

– Викентич, ты опять в тапках? – возмутился Томин.

– Командир, мозоли. У меня и справка есть, – ответил инженер, приглашая жестом всех по машинам.

– Конечно. У инженера всегда все документы в порядке, – ответил Томин и пожал ему руку. – Спасибо. Нас на отдых.

– С ветерком поедем. Вы в кабину прыгайте, Валерий Алексеевич.

– Я с народом, Викентич. Пообщаемся заодно.

Вот так, в очередной раз техсостав выручает и оказывает помощь лётному составу. По мне, так даже приятнее ездить. Среди техников много интересных ребят, с которыми можно душевно пообщаться и посмеяться.

Уже когда въехали в жилой городок, я бросил взгляд на вход в санитарный пропускник медсанбата. На крыльце стояла Оля, провожая наши машины взглядом.

Сразу вспомнил о нашем утреннем разговоре, который как-то выпал из головы за всеми сложностями лётного дня. Усталость пересилила меня, и я отказался от идеи ночного приёма у врача.

Все жители нашей комнаты готовились к отбою. Паша перечитывал письма от жены, цитируя их Валере. Гусько читал не самый свежий номер «Правды», на первой странице которой рассказ о визите в Союз делегации из ГДР.

– Савелич, а мы есть в твоей газетке? – спросил Валера, расшнуровывая свои лётные ботинки.

– Обязательно! Наше место свято и находится на пятой странице в уголке, – ответил Гусько, складывая в несколько раз «Правду». – Держи, Серый. Изучай.

– Евгений Савелич, а чего про нас не пишут в газетах? – спросил Марик.

Гусько не сразу нашёл что ответить. Однако, вспомнив, что он замполит, начал говорить фразами из лекций.

Мне было проще всё это воспринимать, поскольку я знал, насколько сейчас в Союзе ограниченно говорят про Афганскую войну. Её предпочитают не замечать. Почему? Загадка для меня.

Если бы получилось что-то изменить в истории, то отношение государства к своим воинам-интернационалистам стояло бы на одном из первых мест.

Закинув газету в тумбочку и поставив на минимальный режим работы кондиционер, я лёг на кровать, о которой уже давно мечтал.

– Серёга, а чего в гости не пошёл сегодня? – начал «драконить» меня Марик, когда я отвернулся к стенке и уже начал засыпать.

– Тебя послать или сам заткнёшься? – устало проговорил я, не открывая глаз.

– Силёнки кончились. Бывает! – усмехнулся Барсов. – Как она вообще? Хороша?

– Марик, рот прикрыл и лёг спать, – громко сказал Валера, завидев, как я повернулся к проходу.

– А что? Я же ни на что не намекаю, – оправдывался Марк, усмехаясь мне в лицо.

– Не заткнёшься, зубы тебе посчитаю, Марик, – спокойно сказал я и снова отвернулся. – Но я, ни на что не намекаю.

– Эх, брат! – подошёл он ближе, похлопывая меня по плечу. – Понимаю тебя. Не каждый день твоя девушка о твоих скрытых… связях узнаёт. Да ещё таких!

Чего он несёт? Каких связях? Кто ему про Краснову рассказал?

– Слушай, а ты не пробовал с двумя? – ехидно сказал Барсов, причём очень тихо, чтобы никто не слышал. – Давай, я тебе покажу как надо, а потом с Олей и второй уже самостоятельно. Дам тебе допуск к самостоятельному вылету! – заржал как конь Марик.

Я из последних сил сдерживал себя. Локоть был готов в любую секунду стартануть прямым рейсом до его переносицы.

– Ты замолчишь или нет? – сделал ему замечание Гусько. – В беседку сейчас отправлю, Марик.

– Понял, молчу, – согласился Барсов. – Серый, а говорят эта журналистка не такая уж простая. Папа солидный. Ребёнок у неё есть. А мужа нет.

У последней черты уже Марик стоит. Только пускай молчит! Не сдержусь ведь!

– Заткнись, тебе говорю! – громко повторил Гусько.

– Ладно-ладно! Серый, а не ты ли, случайно, обрюхатил Анютку? Чего тогда сбежал от неё?

Ну, выпросил, белобрысый! Я резко отмахнулся локтем и попал прямо в скулу Марику. Спрыгнул с кровати и прямиком на этого говоруна. Чувствую, как сзади меня уже потащил назад Гусько, а перед собой вижу Валеру, который оттолкнул к выходу из комнаты Марика.

– Серый, успокоился! – хлёстко всадил мне пощёчину Гаврюк, приводя меня в чувство.

– Чего тут устроили, петухи?! Оба легли и, чтоб тихо у меня!

Успокоился я быстро. Всё же, пощёчина была отрезвляющей. У Марика было небольшое покраснение на правой щеке, которое к завтрашнему дню будет иметь уже цвет синяка.

– Псих ты, Родин. С тобой шутишь, а ты…

Не успел договорить Барсов, как выхватил и свою пощёчину от Валеры.

– Твоё счастье, что он не псих. Неуравновешенный тебя бы распотрошил за такие слова. Иди, умойся и в холодильнике лёд возьми! – вытолкнул Марка за дверь Гаврюк, а следом отправил и Пашу, чтоб тот помог Барсову.

Я к этому времени уже спокойно сидел на кровати Гусько и смотрел в пол. Опять ты, Серый не сдержался. Вовремя тебя замполит остановил. Но ведь и добивался этого Марик. Так и хотел меня спровоцировать на конфликт.

– У тебя мозги есть, Родин? – спросил Савельевич, давая мне сигарету, но я отказался. – Пошли. Рядом постоишь.

Прохладный ночной ветерок был сейчас как нельзя кстати. Пока Марик ходил и выл от приложенной бутылки с замороженной водой, Гусько проводил со мной разъяснительную беседу. Замполит же всё-таки!

– Вам завтра в бой, а вы дерётесь. Сдержаться мог? – спросил он.

– Должен был, Савелич. Но он провоцировал.

– Я знаю. Ну не кляп же мне ему вставлять! Давай теперь каждый будет провокацией оправдываться, – продолжал мне выговаривать замполит. – У тебя какие-то с Олей проблемы?

– Савелич…

– Давай без стандартных фраз, мол, это моё личное дело. Теперь это дело общественное! Ты и она – военнослужащие. Возможно, создадите семью. Куда мне вас записывать? В группу риска какую-нибудь?

Мы ещё несколько минут пообщались на тему семейных ценностей и отношений между сослуживцами. Всё же, Гусько должен был провести со мной беседу.

– Сор из избы выносить не буду, но давай впредь без локтей. Договорились? – протянул он мне руку и я с удовольствием её пожал.

Только через полчаса мне удалось уснуть, переваривая всё сказанное Мариком. Всё ж ему стало известно про красотку Аню. И откуда? Не рассказала же она кому-нибудь здесь о своей личной жизни?

Утром с Барсовым, естественно, не общались. Когда я проснулся, он ещё делал вид, что спит и не собирается на завтрак.

После приёма пищи отправились на получение задачи в класс. Хреков отсутствовал и цели начали распределять самостоятельно, получив данные и координаты с командного пункта. Дежурных экипажей в классе не оказалось. Они уже улетели для работы по вызову из зоны.

Пехота снова начала двигаться по ущелью, выдавливая подразделения Масуда к пакистанской границе.

– Так, Валера пойдёшь с Менделем на сопровождение Су-17х. Они работают в районе Анджуман, – поставил задачу Томин, показывая место наших вчерашних ударов штурмовыми бомбами.

– Не всё разбомбили вчера? – спросил Паша.

– Вроде всё, но есть варианты, что пойдут караваны с оружием с территории Пакистана, без складирования в одном месте, а сразу к уже воюющим группам, – пояснил командир полка. – Вы на 8000, бомбёры на 7000 и ниже.

– И долго так будем висеть? – спросил Валера.

– Топливо подходит к концу – следующая пара идёт вас менять и так на весь день. Вот и план на сегодня, – развёл руками Томин.

Все переглянулись и молча, кивнули. Вполне несложные задачи для выполнения.

– Первыми идут Гаврюк и Мендель. Меняют их Гусько и Бажанян. А третьими… готовы, молодёжь самостоятельно работать? – обратился комполка сначала в мою сторону, а затем и к Барсову.

– Готов, – утвердительно сказал я, а Марик повторил.

– Хорошо. Вот и пойдёте на прикрытие. Вдвоём, – сказал Томин и отметил что-то у себя в тетради.

Глава 5

По выражению лицу Марика можно сказать, что он не рад такому полёту. Валера с Пашей уже убежали на вылет, а мы продолжили готовиться к своему заданию.

Ничего сложного. Нужно выйти в зону дежурства, встать каждый на своей высоте и ходить по «восьмёрке» в ожидании команды от офицера боевого управления.

– Чего мы там забыли? Для нас целей для удара не нашлось? – возмущался Барсов, дёргая своей белокурой шевелюрой.

– Марк, будешь ворчать – никуда не полетишь. Есть много задач на земле, – спокойно сказал Гнётов, вернувшийся только что с сопровождения ударной группы.

– Какие, Григорий Максимович? – продолжал удивляться Марик.

Как ребёнок! Будто не знает, что работа на аэродроме есть всегда. Только по большей части, она ручная.

– Есть туалет, строительство второй бани, спортивный городок. Могу ещё пару мест подсказать. Нужно? – со всей серьёзностью спросил Бажанян, который проходил мимо. – Командир, давай я введу их в курс дела, чтобы ребята понимали?

– Глаголь, ребя, – кивнул Томин.

Со слов Тиграна Араратовича, пехота движется по ущелью и днём, и ночью, но Масуд старается в бой большими группами не вступать. Пока основную работу в районе боестолкновений ведут вертолёты.

– Они десантируют и по целям работают. Фронтовая авиация, то есть мы, работает по выявленным базам и караванам поддержки, – продолжал рассказывать Бажанян.

Наш удар по базе в районе Аджуман оказался очень успешным. Теперь со стороны Пакистана формируются боевые отряды из беженцев.

– Я думаю, там и есть основные базы подготовки, товарищ командир. Логично, что духи будут скрываться в соседней стране, которая поддерживает их финансово и технически, – предположил я.

Хотя это было не предположение. Я знал даже местонахождение этих баз, да только мало кто мне сейчас поверит.

– Так надо разбомбить их. Чего мы отсиживаемся? – спросил Марк.

– Призываешь ударить по Пакистану, Барсов? – спросил Гнётов, скидывая с себя куртку.

– А кто-то считает, что нужно этим лжелагерям продолжать функционировать? – задал Марик встречный вопрос.

Гнётов посмотрел на него сонными глазами и покачал головой. Я же решил объяснить один важный момент Марку из области морали.

– Как спать будешь, если получится, что по ошибке прилетит твоя бомба в гражданских?

– В смысле?

– Очень просто, ребя, – взял слово Томин. – Чтобы ударить по этим лагерям подготовки, нужно знать на сто процентов, что там нет женщин, стариков и детей. Пока разведка таких данных не имеет.

– Разрешите добавить, товарищ командир? – спросил я и Томин утвердительно кивнул. – Удар по этим лагерям будет означать акт агрессии против Пакистана. Без одобрения высшего руководства страны нам этого не позволят сделать.

– Давай, Сергей мы эти разговоры оставим в стороне. Для всех, ребя, я напоминаю простую истину – служим Родине, и больше никому.

В ожидании своей очереди на вылет, я попробовал найти Ольгу и поговорить с ней за чашкой чая. Вот только с пустыми руками идти на такое мероприятие не стоит, а конфет под рукой не оказалось.

– Ни у кого нет взаймы мармелада или чего-то сладкого? – задал я заведомо глупый вопрос в классе своим товарищам.

В ответ только отдельные смешки. Знают, заразы, для чего понадобились мне сладости.

– Серый, ты к Гороняну подойди. Там точно будет, – предложил мне Гусько, нехотя поднявший голову с подушки.

Найти нашего тыловика было несложно. Он всегда в столовой, где он оборудовал себе хороший кабинет с кондиционером и двумя холодильниками. Услышав мою просьбу, он не стал даже спрашивать зачем мне сладости, а направился к одному из «Минсков», чтобы достать небольшую коробочку с надписями на арабском языке. В ней оказалась пахлава.

– Товарищ подполковник, это много. Сколько я должен? – спросил я, в уме сразу рассчитывая, что в руках у меня примерно эквивалент пары бутылок «Столичной», а то и больше. Переводя в чеки Внешпосылторга, где-то 50.

– Ай, брат Сержик. Ничего не нужно, – принялся он меня успокаивать. – Я тебе по секрету скажу, правда, все его знают.

Потрясающий секрет, о котором все, кроме меня, знают! Интересно послушать.

– Сержик, да я брата Тиграна обыграть хочу. Он постоянно насчёт тебя угадывает, а я ва-банк пошёл и на свадьбу вашу поставил. Так вот, Сержик. Ты на Олэньке женись, и ничего не должен, лады?

Нет, ну Оля – девушка хорошая и как жена бы мне подошла, но за коробку пахлавы как-то мелочно будет в ЗАГС идти.

– Что за дурдом! – воскликнул я и вышел из кабинета.

– Сержик, два ящика «Арарата» поставил. Не подведи, дорогой! – крикнул мне вслед Горонян.

Похоже, тотализатор на мои отношения с Вещевой становится всё более интересным. Ставки-то растут! Два ящика – это уже ого-го!

Стоя перед кабинетом, я собирался с мыслями, с чего мне начать разговор. Вообще, не с моей стороны была инициатива не разговаривать в прошлый раз. Надумала что-то там себе Оленька, а я теперь гадай, что именно. Надо заходить и говорить всё как есть.

Поправил причёску, проверил, не пахнет ли форма, и нет ли запаха изо рта. Постучался и вошёл.

– Добрый день, О… ого! – сказал я, увидев перед собой в одном нижнем белье Краснову.

Оценивающий взгляд на все прелести Ани затянулся, пока я не вспомнил, зачем пришёл. А Краснова только стоит и лыбится! Однако, на её теле появился шрам в районе плеча, похожий на поражение осколком по касательной. Также немного было поранено бедро, но там скорее ушиб и ссадина.

– Засмотрелся опять, Серёжка? – спросила Аня.

– Я… почему, в самый неподходящий момент, ты передо мной предстаёшь в полуголом виде? Что за напасть?

– Не знаю. Может это намёк. Обнимемся? – сказала Аня и начала движение ко мне.

– Стоять! Хватит! Наобнимались, – выставил я перед собой руку и положил коробку пахлавы на стол. – Попозже зайду.

После этого я решил выйти из кабинета, услышав, как мне вслед Аня сказала, что живёт она в медсанбате в комнате номер 23. Очень «нужная» информация. Сомневаюсь, что когда-нибудь пригодится.

У кабинета простоял четверть часа. Ольгу так и не дождался. Вот и сходил на чай! Зря только за сладостями бегал.

– Родин, живо за снаряжением! – крикнул мне, высунувшийся из класса Марк. – Пора лететь уже.

Собирался я не долго. Успел за это время выслушать пару подколок со стороны своих товарищей по поводу посещения медицинского кабинета. В тот момент я почему-то вспомнил Аню, а именно её повреждения. Похоже, что Краснова выезжала в расположение мотострелковых подразделений. Там и попала под обстрел. Если это так, то перенесла она ранение вполне достойно. Не отразилось на чувстве юмора.

На выходе из здания «высотки» столкнулся с Ольгой, которая несла в руках какие-то лекарства и мази.

– На вылет Сер… эм… лейтенант Родин? – быстро сказала она, переходя на официальное общение.

Да что такого должно было произойти? Не понравился секс? Или конфеты?

– Да, Оль. Слушай, мы в прошлый раз…

– Бегите быстрее. Удачи! – перебила она меня и прошла в здание, будто и не было никогда ничего между нами.

– Удачи только неудачникам желают, Ольга Онуфриевна! – бросил я ей вслед и трусцой побежал к самолёту.

Марк в это время уже занимал своё место в кабине, а мне ещё нужно было экипироваться и осмотреть свою машину с бортовым номером 43. Боевая зарядка сегодня две Р-13М и Р-60М. Для полётов на прикрытие бомбёров самое то.

Смотрю на стоянку Су-17. Там тоже движение, поскольку готовят четыре самолёта для удара. Техники, спотыкаясь об трещины в бетоне, тянут тележки с РБК-250. Время идёт на секунды.

Барсов уже кричал, чтобы все отошли от самолёта. Сейчас он будет запускаться.

– Марк, не торопись, – кричу я ему, но голос тонет в шуме машины аэродромного передвижного агрегата, расположившейся между нами.

– Окаб, 301й, готов к запуску, – слышу я в наушниках шлемофона.

– 301й, ответь 302му, – запросил я Марка.

– Ответил.

– Наши ещё не запустились. Не торопись. Топливо экономим, – сказал я, смотря на самолёт Марка.

– Чего ждать? Раньше выйдем в район, осмотримся, – ответил он и снова запросил запуск уже для нас двоих. – Окаб, 301й, 302й, запуск.

В эфире пауза, отведённая специально для обдумывания руководителем правильности запуска истребителей прикрытия. Возможно, и с пунктом управления на борту Ан-26 согласовывает.

– 301й, 302й, запускайтесь. Мотор предлагает две зоны дежурства занять. Номера 16 и 26. Как приняли? – передал нам информацию руководитель полётами.

– 301й, принял. В зону 16.

– 302й, принял. Для работы зона 26.

Мотор – был позывным пункта управления Ан-26РТ, а сам Хреков продолжал быть 001ым. Вместо одной зоны на двоих, нам дали две. Странное решение, особенно если мы должны будем отпугивать пакистанские истребители. Район нашей работы находится всего в 35 километрах от границы.

После всех предполётных действий мы вырулили на полосу и готовились взлетать. Интервал был определён в две минуты между нами. Ведущим пока никто из нас не допущен летать, нет должной подготовки, так что пойдём по одному.

Взлетаю первый, разворот с набором высоты и беру курс на восток. На взлёте бросаются в глаза статуи Будды в районе Бамиана, а также знаменитый пещерный храм в скале.

– Окаб, 809й, готовы к запуску, – слышу я, как запрашиваются вертолёты ПСО, которые будут обеспечивать наш вылет в районе работы.

– 809й, команда от Мотора не вылетать. Перенаправят с другого направления на обеспечение, – передаёт информацию руководитель полётами.

Что за дела начинают происходить? Удар будет наноситься чёрт знает где от ближайших вертушек.

– Окаб, я 809й, подтвердите отмену вылета? – переспросил командир вертолёта, который сам не поверил в такое бездумное распоряжение.

– 809й, я Окаб, команду от Мотора подтверждаю.

Вот так и оставили нас одних с Марком. Бомбёры, если судить по радиообмену, так и не начали запускаться, а мы уже жгём керосин, выскакивая на 8000 метров.

Спустя несколько минут перешли на канал управления Мотора и вышли каждый в свою зону работы.

– 302й, зону дежурства занял. Высота 7500, – доложил я офицеру боевого управления.

Смотрю по сторонам, пытаясь запомнить ориентиры границы Афганистана. Один раз мне уже приходилось бывать рядом с «ленточкой». Тогда всё закончилось взаимными угрозами с моей стороны и пакистанцев.

Вглядываясь дальше на Восток, я так и жду, что оттуда прилетит кто-то и начнёт пугать своим «грозным» видом. Пару раз даже намеревался доложить, что наблюдаю посторонних, но, присмотревшись и немного выскочив из зоны, обнаруживал там пустоту.

Су-17е, тем временем взлетели и вышли в район работы. Офицер боевого управления снижает нас на 5000, чтобы мы могли лучше контролировать работу своих товарищей.

Смотрю, как звено заходит с севера и с юга, выполняя сброс РБК.

На склонах ущелья вижу небольшие вспышки от осколочных бомб. За ними идёт ещё одно звено, работающее уже ФАБ-500ШН. Заход на цель, и вот уже в воздухе видны парашюты штурмовых бомб.

Нас снижают уже на 4000, и теперь отчётливо видны взрывы, столпы дыма, круги ударной волны, всплески от падающих крупных осколков. На подходе ещё одна группа. Интересно чем они будут работать?

И тут в ушах заверещал сигнал. Смотрю вниз, но никого не вижу. Начинаю менять высоту, но звук не проходит. Кручу одну бочку, вторую, пикирую и выполняю боевой разворот. Вроде облучение снялось.

– 301й, ответь 302му, – запросил я Марика, но тот не ответил.

Начинаю искать его глазами и вижу совсем нерадостную картину. Он кружится и вертится, как и я пару секунд назад. Бросаю взгляд на юго-восток, но никого там не наблюдаю.

– Мотор, я 301й, меня облучают. На земле никого не вижу.

– Мотор, 302й подтвердил. Минуту назад и у меня сработало предупреждение.

Пауза и затем ожидаемый ответ от 001го.

– 302й, 301й, я 001й, проверьте работу своего оборудования. Мы наблюдаем одну единицу в районе Хоста.

Я вот вообще там никого не вижу, хоть и очень далеко до тех мест. Через несколько секунд Марик доложил, что всё снялось и у него. Возможно, какая-то неисправность. Вот только сразу у двоих – сомнительно.

– Мотор, 412й работу закончили. Курс на Окаб, переход на стартовый канал, – доложил кто-то из бомбёров.

Похоже, что всё завершилось успешно. Авианаводчик поблагодарил за точные удары, а экипажи за надёжное управление. Наша работа, казалось, тоже закончилась, но не всё так просто.

– Мотор, я 301й, разрешите отход на Окаб, остаток 1200, высота 4500, – запросил Марк.

– 301й, пройдите с курсом 100. Наблюдаем метку над Хостом.

– Мотор, я 302й, разрешите вторым для прикрытия в район Хоста. Пройду на малой высоте, – запросил я.

– 302й, запретил. Оставаться в зоне дежурства. Остаток ваш?

– 302й, понял. Остаток 1100.

Марик, прошёл в 500 метрах строго надо мной. Чуйка, что его одного отпускать нельзя, не обманула меня.

– Мотор, 301й, наблюдаю посторонних. Четыре единицы!

Не думая ни секунды, я спикировал вниз и пошёл навстречу, тикающему на полной скорости Марику.

– Мотор, 302й, готов атаковать с принижением. Текущая высота 1000.

– 302й, я 001й запретил. Видим только одну метку, – орал в эфир Хреков, который совершенно не слушал, что ему доложил Барсов.

– Какая одна? Меня пара обходит, облучают с двух сторон! – продолжал громко кричать в эфир Барсов, но Хреков сыпал какими-то запросами. Не хочет правды слышать?

– 301й, уходи на предельно-малую. Иди по восточному ущелью до Аджумана. Захожу сзади.

Я сделал небольшой крюк, маневрируя между вершинами. Проходя как раз отметку 3230 в районе Хоста, как вдруг заметил над собой знакомый силуэт пары истребителей. Это были не «Фантомы» или другое старьё. Самые настоящие, новые Ф-16. Не рано ли они появились в этих краях.

– Одна пара ушла. Сзади ещё одна.

Начинаю включать вооружение, прицеливаюсь по ведомому противника, но тот начинает выходить из захвата. Маневрирует здорово, что его невозможно снова поймать в прицел.

– Выхожу в тыл. До цели 10, – говорю я Марку, но визуально кажется, что гораздо дальше. На прицеле загорается лампа «Пуск».

– Пара распалась. Один уходит на восток, – доложил я, но пункт управления будто выключил у себя радиостанцию.

– 302й, сбрось его с меня! – снова кричит в эфир Марк.

Начинаю сближаться с ведущим пары Ф-16. Держу его на прицеле. Секунды тянутся очень долго. Чего он не отходит? Я же собью сейчас этого пакистанца?

Наш оппонент не выдерживает и уходит вправо с набором высоты. Но и на этом не заканчиваются беды.

Его ведомый крутанулся и вышел мне вслед. Начинаю крутиться, чтобы выйти из его прицела, но парень уцепился за меня мёртвой хваткой. Захват срывается, но потом он снова начинает меня прихватывать. Форсаж включаю из раза в раз, чтобы совершать манёвры. Спускаюсь в ущелье и снова выхожу из него с набором. Прохожу в нескольких метрах от горных вершин, но «Боевой сокол» не отстаёт.

Смотрю в перископ и вижу пуск ракеты. В голове сразу расчёт на то, что это «Сайдвиндер». Дальность пуска не более 10 километров, головка тепловая, а время работы двигателя меньше 10 секунд.

Прохожу над вершиной, отстреливаю ловушки и … чувствую сзади разрыв. Сразу контроль за приборами. Ничего не мигает и все параметры в норме.

– 302й, ответьте 001му. Доложите, что у вас происходит, – появился в эфире Хреков.

– 001й, зафиксировал по себе пуск ракеты с истребителя противника. Цель потерял, – доложил я, но ответ меня поразил.

– 302й, уточните тип ракеты и тип истребителя. Опознавательные знаки.

Как будто у меня время было разглядывать их.

– 301й, ответь 302му.

– Отве… чаю, – тяжело произнёс Марик, у которого явно какие-то проблемы на борту. – Попал под обстрел с земли. Иду с курсом 260. В направлении точки. У меня… не пойму короче.

– Какие табло горят? – спросил я.

Осмотрелся и, не найдя выпустившего по мне ракету Ф-16, начал набирать высоту и искать глазами, уходящий в сторону Баграма, МиГ-21.

Вот и он с небольшим белым шлейфом. Нужно подойти ближе и осмотреть.

– Табло «Пожар» горит, 302й, – сказал Марк.

Визуально никаких признаков возгорания, я у него не наблюдаю.

– Не вижу за тобой дыма. Давление в гидросистеме? – спросил я.

– В норме.

Я ещё раз посмотрел и на свои параметры. Никаких отклонений нет. Снова меня пронесло.

– Мотор, 301й, загорелось табло «Пожар». Следую на аэродром.

– Мотор, я 302й, сопровождаю 301го. Визуальных признаков пожара у него нет.

Минута потребовалась пункту управления, чтобы очухаться. Чего такие тормозные сегодня?

– 301й, наблюдаю две метки, уходящие на Восток, – вышел на связь офицер боевого управления. – Вам разворот на курс 84, скорость 1000, высота 6000. Цели на северо-востоке.

У меня такое ощущение, что и на пункте наведения всем рулит Хреков. Они не поняли ещё, что у нас нет шансов против Ф-16. Тем более что Марика, похоже, подбили.

– 001й, у 301го загорелось табло «Пожар», – доложил я.

– Так он горит?!

– 001й, нет. Визуально пожар не наблюдаю, – повторил я.

– 302й, продолжайте задание. Целеуказания вам были даны.

– 001й, 302й сопровождаю 301го.

Что-то невнятное промелькнуло в эфире, отдалённо напоминающее «я вам сказал» и «это приказ».

– 301й, табло погасло? – спросил я, подходя вплотную к Марку.

– 302й, да погасло. Давление в основной гидросистеме упало.

Интересная совокупность отказов. Можно погрешить на отказы датчиков. Иногда бывает подобное, если срабатывает сигнализация о пожаре. Но тут ещё и гидросистема начинает отказывать.

– 301й, а давление в бустерной системе? – спросил я.

– В норме.

– 301й, 302й, что у вас происходит? – продолжал ругаться Хреков, но сейчас не до него. Нарвётся, что кто-то из нас его пошлёт.

– 301й, следи за давлением в основной системе. Подхожу справа.

– 302й, наблюдаю тебя, – слегка нервозно ответил Марик.

Конечно, прыгать в этом районе, не имея близко своих вертолётов ПСО опасно. Под нами горный хребет. В этом районе концентрация духов очень большая. Выжить на земле без чуда не получится, если придётся катапультироваться.

Медленно начинаем набирать высоту, следуя на аэродром. Надо предупредить в Баграме, чтобы дали нам внеочередную посадку.

– 001й, я 302й передайте Окабу, что будем заходить с ходу. Средства в готовность пускай приведут и нужны вертолёты ПСО. 301й может не дотянуть.

Через несколько секунд нам подтвердили, что Баграм нас ждёт, вертушки ПСО запускаются и пойдут навстречу.

– 302й, в бустерной начинает падать давление.

В голове прорабатываю все варианты для Марка. Голос его не слишком уверенный в том, что следует бороться за самолёт дальше.

– Есть предложения, 302й? – тихо произнёс в эфир Барсов, словно ища у меня поддержки.

Глава 6

Если полностью упадёт давление, у Марка заклинит управление. Он сможет управлять, только изменяя крен. И то, усилия прикладывать придётся неимоверные. Высоту менять только перестановкой рычага управления двигателем, изменяя обороты. При торможении самолёт опускает нос, при разгоне – поднимает. Но это только для того, чтобы лететь. Сесть он вряд ли сможет.

– 301й, что с управлением? – запросил я.

– Тяжело, но пока управляется.

– 301й, тянем в сторону аэродрома. Насколько возможно.

Была мысль предложить Марку попробовать сесть, постепенно снижаясь с большой дальности. Но решать за него не в моих силах.

Пока главной задачей было дотянуть до охраняемой зоны аэродрома, где после катапультирования и приземления меньше возможностей встретиться с моджахедами.

– 301й, сбалансируй самолёт на этой скорости. Я тебя ближе осмотрю.

– Сбалансировал.

Прижался к самолёту Марка, чтобы посмотреть, есть ли где ещё течь, кроме топлива. По фюзеляжу снизу красноватые разводы от текущей рабочей жидкости гидросистемы. Сзади – серебристый след керосина из повреждённых баков. Значит, ему и топлива может не хватить до Баграма.

– Мотор, я 302й, пара вертолётов запускается? – запросил я у воздушного пункта управления.

– 302й, информацию передали. 301й, если готовы, можете катапультироваться в этом районе, – дали совет Марку.

Похоже, что сегодняшняя смена на Ан-26 побила все рекорды некомпетентности. Как можно предлагать прыгать, буквально, на вражеской территории, не имея прикрытия вертолётами?

До аэродрома ещё километров 90. Время тянется очень долго, но с каждой секундой шансов на удачное катапультирование всё больше. В какой-то момент мне начинает казаться, что мы зависли на месте, настолько однообразны под нами горные хребты и ущелья. Совсем немного проходит времени, как в глаза начинает бросаться тёмное пятно долины, за которой Баграм.

Переходим на связь с Окабом, и сразу в эфире слышим позывной вертолёта ПСО.

– Окаб, 809й, взлёт группой произвёл, курс отхода 80.

– 809й, вас понял. Борт на удалении 85. Идут в вашем направлении.

– Окаб, я 302й в паре с 301м. У него отказ, ваше управление, – вышел я на связь с руководителем полётами.

– Понял, 302й, удаление от точки 80. Заход с ходу разрешил.

Вот уже и горные хребты заканчиваются. Если дальше так и пойдёт, выйдем к посадочному курсу в 50 километрах, а там и прыгать можно будет.

– 301й, как управление? – спросил я, но Марк молчал. – 301й?

– 302й, табло «Масло» загорелось.

Значит, начало падать давление масла. Кажется, настоящий пожар в двигателе неизбежен. Нужно снижаться, чтобы создать более комфортные условия для катапультирования.

Вот уже начинается плоское предгорье и небольшие насаждения леса. Та самая «зелёнка», в которой могут быть и духи. Надо ещё пролететь немного.

– 302й, удаление от точки 38. К снижению приступили?

– 301й, готов снижаться? – спросил я у Марка.

– Готов, 302й.

Начали постепенно снижаться. Я тоже работал чаще рычагом управления двигателем, чтобы идти рядом с Барсовым. Высота 3300, и позади уже высоченные хребты Гиндукуша. «Зелёнка» всё ещё под нами.

– 302й, удаление 30, – подсказывает нам руководитель полётами.

– 302й, я 809й, иду к вам. Встану в вираж в 10 километрах от Окаба. Готов работать.

– Понял, 809й.

У самолёта Марика возникает пожар за килем. Происходит это в полной тишине, разрастается без какого-либо дыма и тянется пламя метров за 10 от самого киля МиГа. В такой огненный хвост, никогда бы не поверил, если сам бы не увидел.

– Марк горишь, прыгай! – кричу я, но проходит несколько секунд и ничего не происходит. – 301й, катапультируйся!

Затем и руководитель полётами повторяет подобное три раза. Секунды растягиваются в вечность, но Марк не прыгает. Почему? Если не прыгнет, взрыв баков и тогда от самолёта ничего не останется.

– 301й… катапультируюсь! – отзывается Марк и начинается уже знакомый мне процесс.

Я встал в вираж, наблюдая, как Барсов на парашюте опускается на окраину «зелёнки» в паре километров от небольшого кишлака. Стоит прикрыть товарища, пока не подойдёт экипаж ПСО.

– Окаб, я 302й, наблюдаю 301го. Подо мной в окрестностях Бамиана.

– 809й, я наблюдаю тебя 302й. Пять минут, и будем в твоём районе, – вышел в эфир экипаж вертолёта.

Смотрю вниз и вижу, как бежит небольшая толпа к Марку. Стоит пройти и отработать по ним с пушки. А если мирные и просто решили посмотреть?

Снизился ещё ниже. Вряд ли бы мирное население стало стрелять по мне из своих автоматов и бежать сломя голову к приземлившемуся лётчику.

Что ж, хотел как лучше. Отвернул в сторону с набором высоты. Включаю вооружение и готовлюсь отстрелять весь боекомплект из пушки. Переворот и выполняю пикирование.

Нажимаю гашетку пушки, и под фюзеляжем быстро рокочет ГШ-23, выбрасывая в первую секунду полсотни снарядов. Прошёл в горизонте над Марком, который уже подготовился отстреливаться, и перевёл самолёт в набор высоты.

– 809й, наблюдаю лётчика. Забираем.

Вот и хорошо. Спокойно можно идти домой.

После посадки, когда заруливал на стоянку почувствовал, как начала болеть каждая мышца в теле. Видимо, напрягся я здорово в этом полёте. Смотрю на правую руку и понимаю, что она у меня дрожит, и сделать с этим ничего не могу. Пробивает какой-то озноб, словно у меня лихорадка.

Похоже, всё вместе навалилось на меня в последнее время. Ещё и Ольга непонятно себя ведёт. Когда я уже смогу расслабиться?

Открыл фонарь кабины и впустил обжигающий воздух Баграма. Ветра почти нет, но любое дуновение опаляет любой незакрытый участок твоего тела. Снял шлем и чувствую, насколько пропотел в этом полёте. Кажется, даже на пол кабины накапало.

– Сергеич, говорят, Барсов прыгнул? – забрался на стремянку Дубок, начиная отстёгивать меня от кресла.

– Да. Сейчас его заберут. Не везёт мне. Второй раз за два дня при мне катапультируется наш лётчик.

– Наоборот. Обходит тебя стороной беда. Не спугни удачу, – сказал Дубок, вынимая меня из кабины.

Пока что держу эту «птицу» двумя руками. Видать, после гибели в прошлой жизни, возвращает мне старушка судьба должок. Ещё бы в любви мне немного везения.

Когда я спустился по стремянке, примчался к моему самолёту Томин. Выскочив из командирского УАЗа, он быстрым шагом направился ко мне. За его спиной озадаченные Гусько и Бажанян.

– Товарищ командир, лейтенант Родин поставленную задачу выполнил. При выполнении полёта… – начал я докладывать Валерию Алексеевичу, когда тот подошёл ко мне, но он махнул рукой, чтобы я остановился.

– Как здоровье, ребя? Машина в порядке? – спросил Томин, пожимая мне руку.

– Так точно. Ни царапины. Старший лейтенант Барсов получил повреждение…

– Это я слышал. Почему ты его одно отпустил в район Хоста, а не прикрывал, Сергей? – спросил командир, отводя меня в сторону.

– Валерий Алексеевич, от Мотора была команда оставаться в зоне.

– Вот только не надо сейчас, ребя, изображать из себя ответственного военного! – воскликнул командир и нагнулся ко мне. – Сейчас в штаб поедешь со мной. Этот цирк с Хрековым надо заканчивать.

Пока ещё не видно было на горизонте вертолётов. Возникшую паузу командир посвятил интересному обсуждению ситуации с пакистанцами. Выслушав мой рассказ про воздушный бой, он сразу обратился к Гусько и Бажаняну.

– Какие у нас есть варианты повлиять на командование? – спросил Гусько, закурив сигарету.

В этот момент, Дубок начал заправлять мой самолёт. Надо было видеть глаза моего техника. Не постеснялся он и командира. Подошёл к начальникам по всей форме с докладом о недопустимости курения рядом с топливозаправщиком.

– Елисеич, вот ради тебя, затушу. И то, потому что ты здоровее меня! – улыбнулся замполит и растоптал недокуренную сигарету. – Вон и вертолёты летят.

Марка командир встретил, как и полагается в таких случаях – по-отечески обнял, поправил форму и сразу предложил испить в машине сто грамм для снятия стресса. Я стоял за спинами всей толпы техников и лётчиков, которые вышли встретить спасшегося молодого лётчика.

А я смотрел на Марка и понимал, что сейчас он пытается понять, насколько близко он был к той самой грани.

Он больше сотни километров вёл повреждённую машину к аэродрому, каждую секунду понимая, что вот-вот может произойти пожар и не факт, что успеет прыгнуть. Возможно, ему помогло, что в этот момент он был не один. Рядом был я, но не факт, что мои советы были правильными.

– Отойдите! Пропустите! – кричал Марк, пробиваясь ко мне.

Передо мной стоял уставший, пыльный лётчик, с расцарапанной щекой и потерянным где-то ботинком. Его руки ещё дрожали, а сам он едва сдерживался, чтобы не проронить скупую слезу.

– Серый, спасибо, что не бросил, – сказал Марик и кинулся ко мне, крепко обняв.

И вот это, пожалуй, лучшая награда для меня. Признание, что ты своим словом помог человеку, не бросив в трудную минуту. А эмоции Марка сейчас совершенно искренние.

– Ладно, Марк. Езжай отдыхать. Мне ещё работать, – похлопал я его по спине, с которой посыпалась пыль.

Отправив Марка, Томин подозвал меня к себе и сказал, что ждёт меня через 30 минут в машине. Приказал пойти и привести себя в порядок.

– Товарищ командир, я готов сейчас. Чтобы время не терять, – предложил я.

– Родин, иди в баню, я тебе сказал! – воскликнул командир и указал на небольшое строение из бомботары.

Техническая баня, то есть баня инженеров и техников располагалась в районе стоянки нашей эскадрильи. Любой техник мог прийти во время дежурства и между вылетами воспользоваться парилкой.

Очень хорошо становится душе и телу, когда вышел из парилочки, разогретой на 100-110°С на улицу, где температура под +40°. Уже и холодно может быть.

Баня нашего техсостава была построена из досок ящиков от снарядов реактивной системы залпового огня РСЗО «Град». Дубок мне как-то говорил, что именно она ценилась больше всех. Доски были длинные и шпунтованные. Сколько спирта ушло на то, чтобы выторговать такое количество материала у артиллерии, представить себе не могу.

Также парочка помещений была сооружена из «блоков» – зелёных ящиков, набитых сухой глиной. Внутри вся баня была обшита теми же досками, очищенными от защитной краски.

В предбаннике я встретился с Валерой Гаврюком, который тоже решил освежиться.

– Серый, ну расскажи, что там у Марка произошло? – спросил Валера, когда мы зашли в парную.

Гаврюк проверил работу «полариса» – металлической самодельной печи, которая и служила нам нагревателем воды и парилки. Это некий гибрид буржуйки и реактивного двигателя, работающий на нашем родном авиационном керосине.

– Сказал, что с земли подбили. Эти «боевые соколы» очень сложный противник, – сказал я, присаживаясь на скамью.

– Понятно. Командир рвался лететь к вам, чтобы если прыгнет Марик у духов, прикрывать до победного, – сказал Валера, плеснув воды на камни.

– Кто остановил? – спросил я.

– Павлов прилетел как раз из ущелья и у самого самолёта нагнал его. Егорыч тут же группу подготовил к эвакуации Марика и запустился. Ты мне вот что скажи, – произнёс мой командир звена и лёг на скамью. – Мы как долго будем этого Хрекова терпеть? Почему никто не замечает очевидного – он недоумок.

Конечно, в словах Валеры истины очень много. Но на то мы и военные, чтобы выполнять приказы, а устраивать бунты и жаловаться не про нашу армию.

– Думаю, что найдутся люди, которые «оценят» его действия по заслугам, – спокойно сказал я и плеснул ещё воды.

– Кстати, командир отправил представления в Кабул на нас. Сегодня командующий может подписать и уже отправит в Ташкент, – радостно хлопнул в ладоши Валера.

– Ждёшь третий орден Красного Знамени? – спросил я, но какие именно награды нас ждут, Валера не уточнил.

Если выгорит такое дело, то вообще замечательно. Уже третья награда будет у меня, а значит, и на парад не стыдно выходить. По мне, так Валеру уже надо к Герою Советского Союза представлять, а не третий орден.

В назначенное время, мы выдвинулись в сторону штаба 109й мотострелковой дивизии, где разместился весь генералитет, в том числе и маршал Советского Союза Соколов. Валера тоже поехал с нами, и у меня сразу возникла мысль о проведении разведки.

Попасть на приём к высокому начальству было несложно. Адъютант, который в прошлый раз рассказывал нам о сложности своей работы и всячески угрожал нам, отошёл в сторону и не препятствовал Томину войти в кабинет. Ну и командир был более чем убедителен в своих аргументах на проход.

– Рот свой закрыл и ушёл в сторону! Иначе будешь сквозняк ловить лбом, а потом и простуду интимным местом, – рыкнул на него Валерий Алексеевич и отодвинул с дороги майора и вошёл в кабинет.

Через минуту Томин позвал и меня с Валерой. Войдя в кабинет, я почувствовал себя на каком-то круглом столе для обсуждений.

Ахромеев что-то доказывал сидящему в одной майке Соколову. Модяев постоянно предоставлял какие-то снимки, выкладывая их перед ещё тремя серьёзными дядями. Ну и только один человек был невозмутим и спокойно наблюдал за всем со стороны.

Тот самый представитель КГБ – Сергей Иванович, который просматривал документы и изредка поглядывал на горячий спор генералов между собой.

– Сергей Леонидыч, товарищ маршал, надо что-то делать с границей. Иначе мы этот поток не остановим, – в некой требовательной манере говорил Ахромеев. – Я говорил ещё давно об этом.

На этих словах генерал армии остановился, поймав взгляд «конторщика». Естественно, что Ахромеев находился на контроле. Он был одним из тех, кто противился вводу войск в Афганистан. Как и начальник Генерального штаба Огарков.

– Сергей Фёдорович, – обратился «конторский» к Ахромееву. – У нас есть стратегия работы в Афганистане. Вопрос границы не стоит так остро.

– Если не перекроем поставки оружия, то американцы заполонят своими стволами все лагеря вдоль пакистанской границы. Мы увязнем на несколько лет в этой войне, – стоял на своём Ахромеев.

Генералы искали пути решения проблемы. А она была весьма серьёзной. Никто, за исключением Ахромеева, не признавал очевидного – перекрывать границы нужно немедленно.

– Так, Иван Фёдорович кого ты опять нам привёл, – поднялся со своего места маршал Соколов, надев очки для чтения и простые тапочки на ноги. – А, этих я знаю. Разведчики твои?

– Они самые, товарищ маршал, – быстро отрапортовал Модяев и присел на своё место. – В прошлый раз ходили по ущельям.

Томин подтолкнул нас к карте, а сам сделал пару шагов назад. Маршал поздоровался с нами и предложил подойти к карте ближе.

– Показывай, лейтенант, где вас сегодня прижали, – дал мне деревянную указку Сергей Леонидович.

Я описал весь сегодняшний бой, все особенности Ф-16, а также заострил внимание собравшихся на том, что пакистанцы намеренно выдавливали нас из района Хоста.

– Почему думаешь, что это было намеренно? – спросил у меня представитель КГБ.

– Товарищ… Сергей Иванович, предлагаю сопоставить факты. Четыре самолёта, превосходящие по своим характеристикам МиГ-21, имеют численное превосходство и тактически-выгодное положение в начале атаки, – начал говорить я, а затем слово взял и Валера.

– Со слов лейтенанта Родина и старшего лейтенанта Барсова, Ф-16 начали выходить из боя, как только их начали атаковать. Причём, происходило это, когда расстояние, вглубь территории Афганистана было уже около 40 километров.

– Простые манёвры, чтобы перехватить неприятеля, – сказал Соколов. – Что-то есть у вас более серьёзное, чем догадки?

Маршал Соколов, насколько я помню, был весьма дотошным человеком. Подмечал каждую мелочь. Сейчас без этих «заклёпок» мне не удастся достучаться до начальства.

– Товарищ маршал, после атаки по мне ракетой, с командного пункта мне поступила команда следовать на северо-восток. Там были две метки. Вопрос, если они уже отогнали неприятеля и выходили с курсом на восток, зачем поворачивать и кружить в этом районе? – указал я на восточные провинции.

Взглянув на карту, а именно на северо-восточную часть Афганистана, я увидел там пару знакомых для меня названий в провинции Кунар и Нуристан.

Соколов повернулся к представителю «комитета» и кивнул. Мой тёзка встал со своего места и жестом позвал нас за собой. Какие-то шпионские игры начинаются!

Пройдя по коридорам штаба, мы вышли на улицу и направились в курилку. Сергей Иванович ничего не говорил, пока не дождался всех троих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.